

ДАРΙΑ
БЕЛЯЕВА

красная тетрадь

18+

Дария Беляева

Красная тетрадь

Серия «Красные тетради»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68483489
ISBN 978-5-17-151964-3

Аннотация

Арлен Жданов живет на закрытой планете Аврора, а у него в голове живет червь. Если Арлен будет учиться хорошо, червь изменит его и позволит ему стать настоящим героем и космическим солдатом. Тогда Арлен отправится в Космос и найдет своего папу.

Космофэнтези без космоса, киберпанк, который мы не заслужили, история о взрослении детей и история о взрослении их инопланетных мозговых паразитов – дарвиновская «бесконечность прекрасных форм» и ретро-дискотеки.

А еще – невероятно милый и наивный ностальгический боди-хоррор об отдыхе у моря.

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Запись 1: Как я хочу полететь в Космос	5
Запись 2: Исторический документ	55
Запись 3: Привет, меня зовут Андрюша	70
Запись 4: Ночное время	71
Запись 5: Психологические характеристики от доктора Шиманова (младшего)	82
Запись 6: Черновик письма для мамы	87
Запись 7: Впечатления Андрюши о море	97
Запись 8: О море	98
Запись 9: Жалоба	108
Запись 10: Все разы, когда меня обидел Боря	111
Запись 11: Бесценное мнение	115
Запись 12: Ночное беспокойство	116
Запись 13: Про Эдуарда Андреевича – маме	127
Запись 14: Дорогая Галечка	137
Запись 15: Странная история про появление щенков	139
Запись 16: СКАТАБОЙНИ	159
Запись 17: Набережная	160
Запись 18: Журнал присутствия	172
Запись 19: Объяснительная записка	173
Запись 20: Мамино письмо	175
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Дария Беляева

Красная тетрадь

Дизайн обложки: Юлия Межова

© Дария Беляева, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Запись 1: Как я хочу полететь в Космос

Почему я хочу полететь в Космос?

1. Я хочу принадлежать к прогрессивному общественному классу и приблизить светлое будущее для всех людей всей Вселенной. Защищать слабого – привилегия сильного. Я верю в это всем сердцем, и я готов отдать жизнь во имя светлых идеалов всеобщего равенства и прогресса. Я готов бороться с вредителями и врагами на территории всей Вселенной, если понадобится, я отдам жизнь за то, чтобы в мире торжествовал единственно правильный порядок. Человеку совершенно необходим смысл жизни, великая цель. Цель моей жизни – построить лучший мир для всех тех, кто будет жить после меня. Прогресс и порядок представляются мне объективно достигаемыми целями. Однажды Вселенная станет прекрасным местом, и я хотел бы, чтобы это случилось благодаря в том числе и моим усилиям. Впрочем, последнее – проявление индивидуализма. Я не хочу отправиться в Космос, чтобы стяжать себе славу. Наоборот, необходимо каждый день воспитывать себя для того, чтобы суметь поставить общественные интересы выше личных. Я хочу вырасти хорошим и порядочным человеком. Только таких людей берут в Космос. Таким был первый человек, который отправился туда, –

Юрий Гагарин.

2. Я хочу увидеть мир таким, каков он есть. Я ничего еще не видел за пределами своей планеты, но знаю, что другие планеты бывают прекрасными или ужасающими. Я готов к прекрасному и готов к ужасающему.

3. Мой папа где-то в Космосе. Мама говорит, что он был пилотом космического корабля и они любили друг друга очень сильно. Папа, конечно, не такой, как мы. В его голове нет червя, и он, я точно уверен, хороший человек. Ему, безусловно, приходится прилагать к этому меньше усилий. Я ничего о нем не знаю, кроме того, что его зовут Георгий, и, конечно, что он – далеко. Иногда мне нравится думать, что папа обо мне думает. Я не знаю, так ли это, но мама говорила, что папа знал: у них с мамой будет ребенок. У меня нет папиной фотокарточки, но я несколько лет записывал все черты, которые встречаются в моей семье с материнской стороны, чтобы установить, в чем я могу быть похож на отца. Этот анализ, по всей видимости, нельзя принимать всерьез, ведь генетика – удивительная вещь, иногда можно быть похожим не на маму и не на папу, а на прадедушку. Моя мама говорит, что я очень похож на папу, только я светловолосый, как она, а в остальном – папина копия. Но, насколько я знаю, многим мальчикам говорят именно так, даже если они со всей очевидностью похожи на своих матерей. Матери думают, что сходство с отцом делает их сыновей мужественнее. От папы мне, впрочем, вероятнее всего, достались крупный

нос с горбинкой и зеленые глаза. Может быть, я стану больше похож на него, когда вырасту: такое случается часто. Мне бы этого хотелось. Так или иначе, когда я полечу в Космос, то найду его и увижу. Когда мы познакомимся, я сделаю все, чтобы ему понравиться. Я докажу ему, что в чем-то на него похож, и, несмотря на то, что в голове у меня живет червь, я могу стать полезным членом общества и обеспечить безопасность многих людей, которые и имени-то моего никогда не узнают (они никогда не узнают моего имени, потому что я не хочу славы). Вот зачем еще мне нужно в Космос.

4. Сегодня я еду в поезде, за окном такие краски, все красиво и ярко, и совсем уже начинается лето. А еще я еду на море – прежде никогда не видел никакого моря. На нашей небольшой планете много воды и много морей, есть даже два океана, таких больших, что это сложно себе представить. Впрочем, взгляд с берега не позволяет отличить море от океана. С виду ни у того ни у другого нет края, и то и другое упирается в горизонт. Мысли о море, стремительные рывки поезда, особое путешественное настроение – все это заставляет меня мечтать о Космосе.

Таким образом, я изложил причины, по которым я хочу полететь в Космос, – от самой глобальной и вечной ко все более личным и сиюминутным. На первое место я поставил общественные ценности, на второе – тягу к познанию, на третье – семейные связи и, наконец, на четвертое – мое особое нынешнее настроение в преддверии лета.

Придет время, и я обязательно исполню свою мечту, ведь я много работаю, хорошо себя контролирую и очень стараюсь.

Конечно, я полечу в Космос не один. Со мной полетит мой лучший друг Андрюша. Он – большая умница. Мы с Андрюшей почти всегда все делаем вместе. Я выражаю самую искреннюю надежду на то, что Андрюша и в Космос отправится вместе со мной, мы вместе будем убивать вредителей и врагов прогресса. Конечно, у меня есть легкое беспокойство по поводу его морального облика (червь в голове – серьезная проблема).

Разумеется, в Космос полетит Володя, потому что у Володи получается все, за что он берется. Володя сохраняет бодрость и присутствие духа в любой ситуации, что, безусловно, пригодится в Космосе. Кроме того, у него лучшие оценки после Андрюши по всему-всему, кроме идеологической подготовки. Лучшие оценки по идеологической подготовке – у меня. Так и не скажешь, что у Володи в голове червь, это почти незаметно, когда общаешься с ним, и в нем меня вообще ничего не тревожит, хотя я привык быть внимательным и бдительным.

В Космос наверняка полетит и Фира. Она добрая, хорошая и спокойная девочка. Никто не представляет такими девочек с нашей планеты.

Валя, конечно, тоже справится, потому что Валя такая упрямая. Она хорошо дерется и все время жует жвачку (пер-

вое – плюс, второе – минус).

Что касается Бори, я надеюсь, он никогда не полетит в Космос.

А еще будет известен только тем, что он – Володин брат.

А лучше – совсем ничем не известен.

Впрочем, не по-товарищески с моей стороны писать именно так. Также я не хочу быть слишком самоуверенным, излишне самонадеянным и так далее и тому подобное, потому что всецело доверяю свою жизнь и судьбу, а также жизнь и судьбу своих товарищей партийному руководству.

На этом, кажется, следует закончить сегодняшнюю запись, но меня переполняют эмоции. Мне очень хочется поскорее оказаться в санатории. Мне хочется увидеть море и проверить, такое ли оно синее, как на картинках. Я хочу знать, как выглядят люди, которые живут там, где так тепло и хорошо. Мне нравится, как едет поезд, меня успокаивает его движение. Мне кажется, так должно наступать будущее: ему полагается быть неизбежным, как движение колесных пар по рельсам, ему полагается быть успокаивающим, как биение этого большого, железного сердца, ему полагается иметь предпосылку и цель, как всякое путешествие имеет начальный и конечный пункты.

Еще я подумал: когда-нибудь все мы станем взрослыми. Я очень этого хочу. Мне страшно надоело быть ребенком. Конечно, быть ребенком – биологическая необходимость. Но это также и трудность: никто не воспринимает тебя всерьез,

многие вещи делать нельзя, а те, которые делать можно, еще не получается делать правильно.

Мама говорит, что для двенадцатилетнего я – весьма зрелая личность. Однако я не чувствую себя зрелой личностью, скорее наоборот. Поэтому я и веду эти записи (тетрадь под номером 32, самая толстая, купленная по случаю моего отъезда). Я довольно неповоротлив в своих мыслях, думаю медленно и обстоятельно, мне бывает тяжело отвлечься от каких-то важных, по моему мнению, вещей. В моей характеристике написано, что у меня эпилептоидный тип личности. Это значит, что мое мышление довольно вязкое. Я стараюсь прилагать все усилия для борьбы со своей медлительностью, однако некоторая обстоятельность, как мне кажется, делу не вредит. Записи помогают мне, написав о чем-то, я могу на некоторое время отвлечься и посвятить больше времени учебе.

А сегодня началось лето, и это значит, что три месяца не будет никаких тренировок и уроков. Зато произойдет нечто другое, весьма важное и волшебное. Там, у моря, я наконец-то стану взрослым. Вернее, не я, а паразит во мне, но некоторые ученые говорят, что никакого меня и нет, есть паразит, и мое сознание – это сознание червя, и ничего больше.

Другие ученые спорят с этим, они говорят, что люди и черви находятся в сложной симбиотической связи, и нельзя сказать, кто кем управляет. А еще есть ученые, которые считают, что это человек управляет червем, и вовсе не на-

оборот. Я далек от науки, хотя и интересуюсь последними новостями, подписан на несколько научно-популярных журналов, а также регулярно прослушиваю познавательные радиопередачи. Все равно наука и технология от меня далеки, ведь наша планета, ради блага всех людей Вселенной, лишена большинства технологий современности, однако мне нравится представлять, как люди используют вещи, находящиеся далеко за пределами моего опыта.

Теперь следует вернуться к началу и рассказать о поезде, и море, и обо всем том, для чего я взял самую толстую, самую красивую, самую красную тетрадь.

Обычно люди ведут дневник по нескольким причинам: контейнирование эмоций, систематизация мыслей и консервирование воспоминаний. Так как я с гордостью могу назвать себя среднестатистическим человеком, я преследую все три цели. Мне бы хотелось сохранить этот день в памяти. Я постараюсь описать его очень точно и ничего не забыть.

Ночью я почти не спал, проснулся совсем рано, задолго до будильника. Мне вовсе не хотелось будить мою маму. Она работает на рыбоперерабатывающем заводе (невольная тавтология, которой нельзя избежать), мамины руки всегда пахнут рыбой. Она активная, здравомыслящая, серьезная женщина, которая не позволяет жизненным невзгодам себя сломить. Но ей тоже нужно отдыхать, и почаще.

Так что я лежал совсем тихонько и не нарушал правила совместного проживания. Необходимо уважать правила об-

щежития – это первое, чему в своей жизни учится порядочный человек.

Я смотрел в окно. Я живу в самом центре нашей столицы. Из моего окна видно Кремль, и я с гордостью могу сказать, что проживаю по адресу Красная площадь, дом 6.

Это, конечно, совсем не та Красная площадь, но зато – самая первая из тех, что появились за пределами Земли, на других планетах.

Я горжусь тем, что у меня есть возможность быть частью исторического процесса, соединяющего прошлое и будущее.

В ясные дни из моего окна так хорошо видно Кремль. Сегодня, впрочем, день выдался, наоборот, совсем пасмурный, хмурый, серый. Синеватый туман заволок все на свете, и я почти ничего не видел, будто мой дом обложили ватой. Я ждал дождя, который прибьет этот туман. Я хотел еще раз посмотреть на красные башенки Кремля, перед отъездом мне это было совершенно необходимо. Никогда еще я не уезжал так далеко от дома. И никогда еще так не тосковал, ни по маме, ни по Красной площади, ни по нашей комнатке с высоким потолком и белыми занавесками.

Мне хотелось забрать это все, унести с собой, уложить в чемодан и никогда не оставлять. Накатила некоторая тоска.

Однако я одернул себя, потому как мне необходимо приучить себя к долгим расставаниям, если я хочу отправиться в Космос. Там все расставания очень долгие.

Ночью резко похолодало, под простыней мне было зябко,

и сама эта простыня показалась мне вдруг влажной, неприятной, но я не решился встать – хотел выгадать еще совсем немного времени для моей мамы.

Я очень терпеливый (это отмечено в моей характеристике), так что мне не составило бы никакого труда лежать не шевелясь весь день, если так будет нужно.

Еще я могу причинить себе сильную боль: в тесте с током я и вовсе лучший.

Вообще-то, думаю, я выносливее всех своих товарищей. Если бы враги, и вредители, и галактические империалисты подвергли меня пыткам, я бы ни за что не сдался. Пожалуй, на этот счет я в себе уверен. Я не отвлекаюсь, хотя может показаться именно так. Замерзнув, дрожа, глядя в молочное утро за окном, я думал именно об этом: я хорошо терплю боль. Затем я понял, что проснулся от холода. Так бывает, если долго не спишь, можно заснуть под утро, а потом резко упадет температура тела в самый холодный час. И от этого просыпаешься в некоем обидном недоумении – так сложно заснуть, так легко проснуться.

Человек наиболее уязвим ранним утром – таково мое мнение. А уязвимей всего, когда просыпается от холода летом, такое сразу появляется ощущение обманутости, запутанности, неопределенности всего в мире.

И даже в первый день лета все равно обидно, когда холодно. Чтобы отвлечься от этой бессмысленной обиды на изменчивый мир, я стал перечислять про себя вещи, которые

положил в чемодан. Одежда (не буду перечислять все, я и без того скучный), две зубные щетки: одна основная, одна запасная, зубной порошок и паста, ментоловый крем, детский крем, земляничное мыло, салфетки, расческа, ножницы, аптечка (снова обойдемся общим обозначением), письменные принадлежности, включая цветные карандаши, две книги: зачитанная до дыр и совсем еще новая, обе хотелось взять с собой, складной нож, фонарик, иголка и моток ниток, мой любимый плакат. Всего этого казалось достаточно, но меня не покидало ощущение, будто я что-то забыл.

Последней я положил в чемодан вот эту самую тетрадь, в которой пишу сейчас, красивую, красную и очень толстую тетрадь в клеточку. Я положил ее торжественно, так, словно чемодан был гробницей, в которую я опускал тетрадь, будто древнего царя, окруженного подданными и предметами роскоши, и после этого гробнице предстояло закрыться навсегда.

Впрочем, эта торжественность оказалась не к месту, не только по причине социальной отсталости подобного рода культов, а также и по менее возвышенным, более обыденным причинам. Например, чтобы достать эту тетрадь в поезде, мне пришлось открыть отсек под кроватью, вытащить чемодан, расстегнуть молнию, заставить чемодан снова распахнуть огромную пасть и создать тем самым на каждом этапе внушительные неудобства для всех. Стыдно до сих пор.

Утром я еще не знал, что мне придется все это проделать.

Я думал начать писать по приезду в санаторий, думал, что основные впечатления возникнут у меня не раньше, чем когда я увижу море хотя бы из окна поезда.

Вернемся к раннему утру. Заснуть у меня так и не вышло, волнение переполняло меня, хотелось встать, пройтись, подвигаться не столько из-за холода, сколько из-за ощущения важности и значительности происходящего.

Когда я испытываю сильное волнение, у меня появляется ощущение, будто меня во мне слишком много, даже через край. С этим ощущением, куда более мучительным, чем холод, я и встретил звонок будильника – резкий, звонкий, бодрящий. Я тут же вскочил с кровати.

– Доброе утро, мама! – сказал я. – Я уезжаю в санаторий!

Мама сказала:

– Да, мой родной, как бы тобой гордился твой отец, если бы он только знал!

С этой мыслью мама и вставала утром, и ложилась спать. Я сказал:

– Чтобы не опоздать, мама, нужно все делать вовремя. Я пойду мыться, а еще я могу приготовить завтрак, а еще...

Я не договорил, потому что мне стало вдруг тоскливо. Я понял, что не увижу ее три месяца, только буду слышать ее голос, опуская монетки в телефонный автомат. Такие проявления деструктивной эмоциональности постыдны для взрослого мальчика, каковым я себя считаю (впрочем, «взрослый мальчик» – это словосочетание, уже заключающее в себе

противоречие, иными словами – оксюморон).

Я пошел в ванную, соседи еще спали – день был воскресный. Я долго мылся и долго чистил зубы. После этого старая щетка полетела в мусорное ведро, ведь я взял с собой две новые. Я привык чистить зубы с ожесточением, так, чтобы пена была розовой. Стоматолог говорит, что мое усердие излишне, но иначе зубы кажутся мне недостаточно чистыми.

В душе я все-таки постарался не задерживаться, как обычно, постоянно смотрел на часы (у меня они водонепроницаемые и противоударные, красивые часы «Победа» с красным циферблатом, в них я моюсь и сплю, мама сказала, что эти часы, новенькие, в коробке, оставил ей папа специально для меня).

Когда я, совершив все полагающиеся порядочному человеку гигиенические процедуры, включая чистку ушей, вышел из ванной, полностью готовый к особому новому дню, мама спросила:

– Арлен, ты хочешь кофе?

Предложение мне весьма польстило: кофе более взрослый напиток, чем чай, но я все равно попросил налить мне чай с лимоном. Еще мама сделала завтрак специально для меня, такой, какой я больше всего люблю: бутерброды с маслом и манная каша. Я очень люблю манную кашу, а еще бутерброды больше всего люблю с маслом. Но в этот особый, волнительный день есть было очень тяжело. Говорят: кусок в горло не лезет. Так иногда и бывает. Все казалось именно слишком

жестким, таким, что может травмировать горло. Я заставил себя съесть один бутерброд, а дальше только пил чай с лимоном.

Мама спросила:

– В поезде вас ведь покормят?

– Да, – сказал я. – Разумеется, нас покормят. Нам выдадут сухой паек.

Мама показалась мне какой-то уж совсем бледной, я спросил, все ли в порядке.

– Конечно, в порядке, – сказала она. – Я желаю тебе хорошо отдохнуть. С тобой все будет хорошо.

– Да, – сказал я. – Со мной все будет отлично. Когда я вернусь, я стану полезным для Вселенной. Я смогу делать великие дела. Я благодарен нашему мудрому руководству за возможность проявить себя с лучшей стороны и делом доказать мою верность.

Мама сказала:

– Это очень хорошо. Таким я тебя и воспитывала.

А над кроватью у меня висит (висел, я взял его с собой) плакат. Там мальчик, похожий на меня, и написано вот что: «Пионер, ты за все в ответе!»

Разумеется, этот плакат – репродукция тиражной графики давно ушедших времен. Но для меня он играет особую роль: я был и остаюсь в числе тех немногих детей, которые, как и дети ушедших земных времен, тоже зовутся пионерами. Слово «пионер» происходит от одного из земных

языков, которых ныне уже нигде не услышишь, насколько я знаю, это означает что-то вроде «первопроходец». Наша группа – первая в своем роде, большой эксперимент, который должен закончиться грандиозным успехом. С самого начала проект назывался «пионерским». Разумеется, есть в этом названии и заигрывание с древней историей, весьма модное в наше время и в наших обстоятельствах. Для того, чтобы прошлое концентрированнее присутствовало в личной реальности, люди то и дело воскрешают его символы. Вот и мы носим красные галстуки и белые рубашки с нашивками, разве что на значках у нас совсем другая звезда – символ нашего Солнца, тот самый, которым оно обозначалось когда-то на звездных картах.

Мне нравится ощущать себя связующим звеном между прошлым с его культурным наследием и грядущим светлым будущим. Я хочу быть похожим на мальчиков и девочек, которые ставили общественное выше личного, помогали тем, кто нуждается в помощи, учились трудиться и защищать свой дом. Это кажется мне почетным.

Мне нравится думать, что я являюсь одним из немногих людей (если конкретно: нас шестеро), которые приняли эту историческую эстафету. Преемственность позволяет нам ощущать большую (с ударением на «о») значимость нас самих и большую (с ударением на «у») значимость общества, союза людей, живых и мертвых, населяющих разные планеты в разные времена.

Мне нравится быть частью чего-то большого и большего.

Но я хочу вернуться к моему утру. Чай казался мне горьким, вязал язык. Мама смотрела на меня, словно пыталась запомнить. Я сказал:

– Я не изменюсь внешне.

Потом я сказал:

– У товарища Шиманова только с руками проблемы, и то появились недавно, но он носит перчатки, и всё.

– Я не думаю, что ты изменишься, – сказала мама. – Я просто буду очень скучать. Но я горжусь тобой. Очень сильно.

И она протянула руку, коснулась моего лба, будто хотела проверить температуру. Руки моей мамы всегда чуть-чуть, но пахнут рыбой. Многим отвратителен такой запах, а мне – нет.

Мама мной очень гордится, ведь кто попало не может отправиться в Космос! Этого никак нельзя допустить, чтобы в Космос отправлялся кто попало! Очень много времени и сил моя мама потратила на то, чтобы я вырос достойным человеком.

Но в то утро она вдруг загрустила.

– Я тебя люблю, – сказала она. – Когда ты родился, я испытала нечто удивительное, я не знала, что можно так сильно любить. Даже представить себе этого никак не могла. Я всегда так и знала, что ты особенный, для особенных вещей, дел, времени. Что тебя ждет что-то такое, что никого здесь

больше не ждет.

Подобные речи показались мне в высшей степени несвойственными для моей мамы. Она – большая активистка, как я уже, кажется, упоминал. Прежде, чтобы мотивировать меня учиться усерднее, она использовала только аргументы, так или иначе связанные с ролью человека в обществе.

Я сказал:

– Мама, я вовсе не индивидуалист. Мое личное благополучие мало меня волнует.

– Я так тебя и учила, – сказала мне мама, и я вдруг подумал, что она подводит какой-то итог. Это означало, что я стану взрослым, и это означало, что мы впервые расстанемся надолго.

– Я вернусь осенью, – сказал я. – Тебе не стоит так волноваться. Я уже очень взрослый. Я соберу для тебя гербарий из красивых южных трав и куплю тебе варенье из роз.

– Я никогда не пробовала варенье из роз, – сказала мама и помешала ложкой чай, словно оно могло, по странной случайности, оказаться в чашке.

– Ты попробуешь, – сказал я. – Пожалуйста, давай обойдемся без сентиментальных сцен. Я очень сильно ценю твою заботу и буду по тебе скучать. Теперь не будем об этом.

Мама посмотрела на меня как-то странно, потом прикусила и без того бледную губу, вздохнула и спросила, уверен ли я, что ничего не забыл. Я продемонстрировал ей список с галочками, которыми отметил то, что уложил в чемодан.

– Я очень ответственно к этому подошел, – сказал я. – Видишь, сколько пунктов, столько и галочек.

Мама сказала, что я живу правильно, и это внушило мне большое, красивое чувство, похожее на надежду. Странное дело, я почти не спал, но сонным себя не чувствовал. Наоборот, казалось, я весь наэлектризован, и мир стал ярким, контрастным, почти угрожающе цветным. Это научный факт: цвета кажутся нам ярче, когда мы напуганы. Можно сказать, опасность стимулирует зрение.

Я боялся не чего-то конкретного, а только перемен в целом. Перемены я не люблю. Весь день у меня расписан по часам, и я стараюсь не нарушать расписание, а если его придется нарушить, я даже злюсь. Перемены могут быть, впрочем, и хорошими, например, смена отсталого социального строя на прогрессивный. Или грамотно проведенные реформы. Или когда дни становятся длиннее. Но все равно, я люблю порядок и постоянство почти во всем.

После завтрака мы с мамой вышли из дома, я все старался запомнить: наш длинный, всегда освещенный коридор, ряды галошниц, чужие двери, обтянутые синим, красным или зеленым кожзамом, запахи: сырости, чая, сигарет.

На улице стало совсем туманно, а туман, если честно, не самая приятная в мире вещь. От него бывает даже холоднее, чем от дождя. Мама тут же сунула руки в карманы. Она так быстро и легко мерзнет, всегда одевается теплее, чем большинство людей вокруг. Вот и сегодня утром она накину-

ла осеннее пальто с красивой латунной брошью в виде птицы, расправившей крылья. Мягкая, тусклая, нежная латунь смотрелась на синеве ткани почти как звезда в ночном небе. Других украшений мама не носит, у нее нет даже сережек. Мама считает, что украшать себя безнравственно, это проявление индивидуализма и люди должны больше думать о вещах значимых и полезных.

Но брошь для нее сделал мой дедушка (сам он столяр, но у него очень хорошие руки и для работы по металлу), и для этой броши, единственной, мама всегда делала исключение.

Я помню день, когда стоял такой же туман. Я тогда был маленьким, и мы с мамой шли в булочную. Я начинал болеть, чувствовал, как поднимается температура, у меня текло из носа, и я то и дело чихал. А когда чихаешь, это всем известно, невольно закрываешь глаза. И я боялся, что моргну, выпущу мамину теплую руку, а мамы раз, и уже нет. И в таком густом тумане я никогда ее не найду.

Но теперь, конечно, я стал уже взрослым, на занятиях по ориентированию я показывал отличные результаты, и мог сам добраться куда угодно, а если нужно, то и маму спасти. Туман больше не вселял в меня никакого страха, разве что мне не хотелось простыть – ведь уже завтра я искупаюсь в море.

В метро мы с мамой встали в конце вагона. Мы никогда не садимся, если можем стоять, – такое у нас правило. Ведь люди рядом могут быть усталыми или больными. Я никогда

еще не был таким усталым, чтобы ощутить необходимость сесть в метро. А если не необходимо, значит, можно и постоять. Сядет тот, кому это нужнее.

Иными словами: защищать слабого – привилегия сильного.

– Там нет метро, – сказал я. – И весь-весь город можно обойти за час. Представляешь?

– Представляю, – сказала моя мама. – Ты, наверное, будешь знать там каждый закоулок.

– Да, первым делом я изучу местность.

Вдруг она развернула меня к себе, посмотрела мне в лицо и сказала:

– Ты теперь совсем взрослый.

Я сказал:

– Да, спасибо.

Нас покачивало, и я думал, так ли это в поезде, так ли это, как здесь, в метро? Кнуты проводов проносились мимо, люди читали газеты, зевали, спали. А мама говорила мне вот что:

– Я растила тебя не для себя. Я растила тебя для людей.

Нечто похожее говорила о своем сыне героиня ее любимой пьесы, я сразу вспомнил.

Мама не красится, и я не знаю, почему в ту минуту ее ресницы показались мне темнее. Может, они были влажными. Свет в вагоне, этот простой, золотой, привычный свет, вдруг лег на нее по-особенному, и я увидел ее совсем другой, буд-

то бы незнакомой.

Мне стало стыдно, ведь я уже взрослый мальчик и подобные сентиментальные сцены должны, если уж без них не обойтись, иметь место за закрытыми дверями.

– Мама, – сказал я. – Надо быть сдержаннее. Мы расстаемся не навсегда, а на одно только лето.

Но она сказала:

– Я никогда не просила ничего для себя, мне это было противно, я бы себя за такое презирала. Я хотела, чтобы ты принадлежал миру, а не мне.

Я, конечно, стал оглядываться. Но никто нас не слышал и не слушал. Такая личная, странная, возвышенная сцена – в утреннем вагоне метро, где все устали и хотят спать. Я стоял, не зная, что сказать. Я был с ней, по существу, согласен. Желание приблизить к себе человека эгоистично по самой своей сути. Человек – достояние человечества. Моя мать совсем не эгоистка, и это радует.

Да вот только ресницы у нее действительно были влажные. Она вытерла левый глаз указательным пальцем, поддела ресницы, словно хотела их так расцепить, а может, просто ей стало щекотно. Постояла так, а потом с силой притянула меня к себе.

Меня, двенадцатилетнего.

– Арлен!

Я бы никогда ее не оттолкнул, но, скажу честно, я об этом подумал. Я испытал раздражение. Сентиментальность

чужда менталитету ответственного гражданина, потому как сентиментальность исходит из индивидуализма. Я сам очень сентиментален, честно говоря, слабодушен, но я стараюсь с этим бороться.

Я сказал:

– Мама, я попрошу тебя быть сдержаннее в проявлении своих чувств.

Мне казалось, что все на нас смотрят, но никто на нас не смотрел. Утром люди пребывают внутри себя почти так же глубоко, как и когда они спят. Я отвел взгляд в сторону, на стекло легли наши отражения: мамины светлые, бледно-золотистые, мягкие пряди смешались с моими так легко и просто, до полной неразличимости, наши с ней волосы были абсолютно одинакового цвета. Это зрелище вызывало у меня странное ощущение: неужели я – все еще ее часть?

У меня всегда будут волосы того же цвета, что и у моей мамы. Я, наверное, умру раньше, чем она поседеет.

Я сказал:

– Все будет хорошо. Верь в меня, и эта вера согреет меня во времена непростых испытаний. Скажи мне, ты будешь заходить к Галечке сегодня?

– Завтра, – сказала мама растерянно.

Галечка – моя двоюродная сестра, дочь маминого брата. Я очень люблю дядю Серēju. Он работает в газете, пишет статьи на военно-патриотическую тематику. Раньше он ходил по кладбищам и писал некрологи, там он встретился с моло-

дой вдовой одного хорошего человека, теперь она – моя тетья Ира. Они полгода дружили, полгода страдали, еще через полгода поженились, а еще через полгода родилась Галечка.

Сначала я думал, что появление очередного члена семьи меня не заинтересует, тем более Галечка младше меня на семь лет, вряд ли у нас найдутся общие увлечения. А потом дядя Сережа пригласил нас на новоселье и я увидел Галечку, она лежала в колыбели, и над ней плыли самодельные звездочки на веревочках (их сделал тоже дедушка), эти звездочки позвякивали, ударяясь друг о друга.

Благодаря моей хорошей репутации (я очень ответственный и аккуратный), мне удалось получить разрешение поддержать Галечку на руках. Это была совсем-совсем маленькая девочка с ясными синими глазами, она ничего не пугалась, она улыбалась, проявляла здоровую активность, волю к познанию мира и вообще, на мой взгляд, могла бы стать образцом для младенцев всего мира.

Я сразу решил, что всегда буду ей надежным другом и добрым товарищем, стану тем старшим братом, который поможет ей в начале ее долгой и счастливой жизни. С тех пор мои добрые чувства к ней только усиливались. Два раза в неделю я брал Галечку погулять, читал ей книги, играл с ней в игры, учил ее разным социально значимым словам, поддерживал ее, когда она пробовала ходить, бегать, петь, читать, писать.

Я пообещал ей привезти с моря много ракушек, и когда я объяснил Галечке, что такое ракушки, она пришла в восторг.

Галечка растет, и за этим так интересно наблюдать! Теперь глаза у нее не синие, как при нашей первой встрече, а карие, она уже умеет делать кучу вещей, а хочет уметь еще больше.

Конечно, я по ней скучаю!

У меня только один страх (немного эгоистичный): не хочу, чтобы она меня забыла. У детей ее возраста происходит столько всего, вдруг я приеду, а она меня и помнить не будет.

Об этом я думаю сейчас, и в метро я подумал об этом.

– Галечка же меня не забудет? – спросил я.

– Что ты! Когда будешь писать мне письма, пиши и для нее: я ей почитаю.

– Она может и сама, ей надо практиковаться, – сказал я. –

И привезу что-нибудь на память. Такое...

Я дотронулся пальцем до маминой броши.

– Чтобы она могла это хранить.

Отчего-то маму очень расстроили мои слова. Дальше мы ехали молча.

Туман не рассеялся, когда мы вышли из метро. Белое, важное здание вокзала будто плыло в мягком, молочном облаке и оттого казалось немного сказочным, как замок на горе. Высокий шпиль поддерживал грузное, низкое небо, и от этого тоже становилось тревожно. Как воздушный шарик, балансирующий на игле. Но если такое небо лопнет, нас всех зальет водой.

Вокзалы мне нравятся, там всегдалюдно, а людные места

я люблю. На вокзалах теряется ощущение дня и ночи, время там всегда особое, свое, вокзальное.

Мы с мамой достали мой билет, сверились с ним, нырнули в толпу, чтобы найти нужный нам путь.

На вокзале много встреч и расставаний, радости и грусти. Часто на вокзале можно увидеть людей из КБП, однажды, когда мы провожали дедушку в командировку, я видел, как люди из КБП забирали вредителя. Он пытался уехать из города без справки о здоровье, ясное дело – зачем. Хотя такие выходки – относительная редкость, все-таки они опасны!

Температурные сканеры на вокзале работают непрерывно, однако в большом потоке людей бдительность всех граждан остается необходимостью.

Вот и я, конечно, тут же удвоил свою бдительность. Очень сложно выделить кого-то из толпы, заметить его странность, нервозность, но я старался.

Классические признаки ксеноэнцефалита известны мне с самого детства.

1. Температура выше 42 градусов, однако человек сохраняет продуктивность, несмотря на такую страшную лихорадку.
2. Неврологические нарушения разнообразного характера.
3. Ощущение «шевеления в голове», на которые больной часто жалуется.
4. Нарастание агрессивности.

Я думал: если буду достаточно бдительным, могу спасти множество жизней.

Впрочем, мы с мамой быстро нашли нужный нам путь, и я об этом немного пожалел. Я бы лучше еще искал тех, у кого зашевелился червь в голове. Хотя, внутри всего, что плохо, есть хоть капелька того, что хорошо.

Разумеется, Боря – это очень плохо, но Володя – это терпимо, а их папа, товарищ Шиманов, – это даже очень хорошо.

Мне сложно назвать Борю своим товарищем, честно говоря, я не знаю человека, который мне нравится меньше, но их с Володиёй отец достоин всяческого восхищения.

Во-первых, он летает в Космос. Во-вторых, он победил ксенонцефалит. Нет, не так. Во-первых, он настоящий герой и много раз спасал своих товарищей на войне, которая ведется так далеко отсюда и такими методами, о которых мы даже не подозреваем. Жаль, товарищ Шиманов почти ничего не может нам рассказать из-за подписки о неразглашении.

Пожалуй, я даже его опишу. Товарищ Шиманов – сухощавый, невысокий человек с красивыми глазами, высоким лбом и белыми острыми зубами. От него всегда пахнет «Шипром», и в последние годы он всегда ходит в перчатках. Паразит страшно изуродовал его руки. Однажды, на десятом дне рождения Володи, товарищ Шиманов снял перчатки и бросил их на стол.

Я опишу увиденное, хотя это слегка неприятно: на руках у

него нет кожи, совсем, только красная плоть, и видно кости, и в этой красной плоти что-то непрестанно шевелится, будто змея ползает под простыней.

– Во! Во как, гляньте! – сказал он тогда. – Девчонки и мальчишки, нравятся вам такие медальки?

Я все смотрел на его руки. Казалось, ему совсем не больно, но плоть была влажной, живой, незажившей.

Товарищ Шиманов любит истории о том, как он остается единственным из своего взвода, как все умирают, а он – нет. Я понимаю, почему так все время случается, а вот он, по-видимому, этого понимать не хочет.

– Война, – говорит он, – делает из мальчиков мужиков. Война вращает мир, а не какая-нибудь там любовь!

Еще товарищ Шиманов часто рассказывает, как (иногда кто-нибудь в его историях выживает) спасал жизни своим товарищам. Будет уместно процитировать его, опуская, по возможности, все нецензурные слова:

– И тут я ей говорю: предлагаю тебе руку и сердце. Руку она не взяла – на хрена ей моя рука, такой мадаме. Но сердце, сердце она взяла. Мне пришлось вскрыть себе грудную клетку консервным ножом. Вы бы знали ка-ак это сложно.

Приведу еще одну цитату товарища Шиманова:

– Как только им был нужен какой-нибудь орган, они запускали в меня нож. Потом уже никто ничего не спрашивал. А я говорю: я что, проститутка, что ли?

Употребленное мной слово «проститутка» является заме-

ной своему куда более жесткому эквиваленту.

И всегда товарищ Шиманов после этих слов начинает смеяться, он вообще часто смеется.

В последнее время товарищ Шиманов немного сдал, у него все сильнее проявляются последствия использования паразита, и ходить ему теперь приходится с тростью. Володя говорил, что это вовсе не те самые признаки, а просто его папа – алкоголик. Это тоже правда, товарищ Шиманов употребляет одеколон «Шипр» не только по прямому назначению, но и в качестве, как он выражается, духовного анестетика.

У товарища Шиманова много недостатков: он агрессивный, язвительный, часто и не по делу смеется, вероятно, он домашний тиран. Я не поощряю его поведение, однако ему не откажешь в своеобразном лихорадочном обаянии, и он весь увешан медалями, красноречиво говорящими о том, на что он готов ради своей Родины.

Кроме того, он – единственный человек из тех, кого я знаю лично, которому червь в голове не помешал отправиться в Космос.

Иногда, когда на родительском собрании мне удастся постоять рядом с ним, я представляю, что он – мой папа. Это очень стыдно, даже мысленно пытаться присвоить себе чужое: чужого папу, чужую историю. Но я с этим борюсь.

– Александр Васильевич! – сказал я. – Доброе утро! Очень здорово вас увидеть!

Слова тут же, едва только они покинули меня, показались мне фальшивыми. Боря и Володя засмеялись.

– Ваши подвиги, военные и трудовые, отношение к товарищам, а также стойкость в непростых жизненных ситуациях вдохновляют меня на поступки, – провозгласил я.

Товарищ Шиманов наклонился ко мне и сказал:

– Я все время думаю, как так в детстве за тобой мамаша не доглядела, что ты радио проглотил?

Он положил руку мне на голову, на ощупь его рука чувствовалась куда мягче, чем должна, потому что она была лишена кожи, кожу ему заменяли черные перчатки, но под ними – сразу плоть, мясо.

– Еще что-нибудь скажи, давай!

– Я готов доложить вам обстановку. Подозрительных элементов за время исследования вокзала мною обнаружено не было.

– Ну вот и славно, – сказал товарищ Шиманов. Из-под его перчатки подтекала желтоватая жидкость, одна капля приземлилась прямо рядом с моим ботинком. Но мне не стало противно, ведь я разговаривал с героем.

Товарищ Шиманов закурил одну из своих по обыкновению невероятно вонючих папирос (они отбивали железный, кровяной, мясной запах, исходивший от него, как и щедро набрызнутый «Шипр»).

– Катерина, – сказал он моей маме. – Небось все глаза выплакала, а?

– Нет, – сказала мама. – А где Лена?

– У нее голова болит, – ответил товарищ Шиманов. – Я так и сказал ей: ну и хрен с ними, не езжай.

– Я хотела с ней поговорить, – чуть подумав, добавила мама. – О мальчиках.

– Ну, о мальчиках и со мной можно пошептаться, – сказал товарищ Шиманов, показав острые зубы.

Мама взяла его за рукав, оттянула в сторону, и я увидел, что ноги у товарища Шиманова заплетаются, впрочем, не упасть он умудрялся с невероятным изяществом.

– Твой Борис донимает моего Арлена, – сказала мама тихо, но недостаточно тихо, чтобы я не услышал. Во всяком случае, достаточно тихо, чтобы не услышали Володя с Борей.

Товарищ Шиманов засмеялся, а потом громко, как пьяный (или он и был пьяным), развязно приобняв мою маму за плечи, сказал:

– А ты объясни-ка своей дочке, что стучать – это плохо, а то тяжело ей в жизни придется. Пока твоя лапочка-дочка этого не поймет, ее будут учить.

Надо ли описывать здесь степень моего унижения? Боря залиvisto захохотал, запрокинув голову, Володя сказал:

– Батя есть батя. – И развел руками.

Я почувствовал, как сильно у меня горят щеки. Теперь казалось, что так будет всегда. Мама сказала:

– Вот почему я с Леной хотела поговорить. Ты-то на людей кидаешься.

Я не подходил к Боре и Володе, но Володе помахал, чтобы показать, что мы товарищи, несмотря на всю эту ситуацию.

Пришло время рассказать о Володе и Боре. Так как они будут появляться в записях довольно часто, следует их тоже описать. Возможно, когда я захочу перечитать эти записи в будущем, из-за червя моя память пострадает, и я не смогу вспомнить чего-то важного. Требуется быть очень обстоятельным, но не слишком обстоятельным.

Володя и Боря:

Общее:

1. Они оба зализывают волосы так же (пишется отдельно, в значении «тем же образом»), как их отец.

2. Отец отдал их в программу, потому что посчитал, что война – лучшее занятие для мужчины.

3. Они любят висеть на турнике вниз головой, несмотря на то, что Фира говорит, будто от этого глупеют.

4. Они активные, любопытные дети, для своего возраста уже слишком непоседливые.

5. У них один пес на двоих, его зовут Марс, и он – немецкая овчарка.

6. Они очень похожи внешне: у них одинаково вздернутые, аккуратные носы, по-детски очаровательные щечки и острые подбородки. Моя мама называет их мультяшными мальчишками.

Общего достаточно. Теперь перейдем к различиям:

1. Володя на шестнадцать месяцев старше Бори.

2. Володя – делает вид, что он умный, Боря – делает вид, что он не очень умный. Необходимо справедливо оценивать своих товарищей, отставив в сторону личную неприязнь. Повышенная агрессивность свойственна, на мой взгляд, интеллектуально неразвитым людям. Однако у Бори на удивление хорошо подвешен язык, также он умеет вернуть в разговоре что-то такое, отчего все удивятся: и откуда Боря это знает? Похвальное качество, используемое не во благо. Володя, с другой стороны, учится хорошо, однако спорт его интересует куда больше, чем добыча знаний.

3. У Володи, как и у их отца, каштановые с рыжинкой волосы и карие глаза. У Бори глаза серые, а волосы светло-русые, как у их матери.

4. Володя изредка обижает моего лучшего друга Андрюшу, но ко мне почему-то нейтрален. Боря наверняка хочет, чтобы я умер.

5. Боря курит и ругается матом. Володя, в общем и целом, сохраняет моральный облик настоящего пионера.

6. У Володи правильный, общественно ориентированный, дружелюбный характер. Боря – индивидуалист, шкурник, демонстрирует агрессивность, впрочем, вполне объяснимую наличием паразита в его голове. Я хотел бы добавить нелицеприятных характеристик, но существует вполне реальный шанс, что эта тетрадь очутится у Бори. А мне кажется подлостью описывать плохие качества человека на бумаге, такие вещи надо говорить человеку в лицо, тем более, что я это могу.

Кажется, что братья должны быть похожи. Но часто случается совсем наоборот: двое братьев являют собой полные противоположности. Отчего так происходит, это большой вопрос. Я думаю, что дети как бы компенсируют качества друг друга, ведь любая семья – это маленькое общество, а общество строится на разделении социальных ролей. Кому-то полагается быть покладистым, а кому-то лидером, и так далее и тому подобное.

Это не вполне объясняет феномен Бори – ведь никому не полагается быть, как Боря.

Однако я не хочу писать о том, что Боря – мой враг. У меня есть враги, они очень далеко, но я считаю важной причиной для вражды только идеологическую, все остальное – от индивидуализма, который я порицаю. Поэтому я не могу назвать Борю своим врагом. В то же время мне сложно считать его товарищем. Его позицию я классифицирую, как неопределенную.

Так вот, вернемся к тому, как ужасно было стоять там, на вокзале, в паре метров от Бори и Володи, и осознавать, что их отец, которым я так восхищаюсь, ругается с моей мамой.

– Чего, крошка политрук, – сказал мне Боря. – Маме пожаловался?

И хотя я, да, пожаловался, мне стало вдруг почему-то очень стыдно, я почувствовал себя вовсе не взрослым и очень расстроенным. Чтобы отвлечься, я стал разглядывать поезд. Мне нравятся большие, мощные машины, они расска-

зывают историю о человеческом труде. Они помогают нам понять, сколько мы можем достичь вместе, приложив усилия.

А еще они очень красивые. Как огромные древние животные.

Я подумал, что если я погружусь в созерцание плодов нашей местной промышленности, то Боря отстанет. Но мне никогда не узнать, насколько верной являлась моя стратегия, потому что к нам подошли девочки, Валя и Фира. Валя была одна, а Фира – со своим больным, вечно кашляющим папой.

Фирин папа – добрый человек. Во всяком случае, так мне показалось в тот момент, потому что и свою дочь Фиру, и чужую дочь Валю он вел одинаково заботливо, так, словно они были сестры.

Факты о Вале:

1. Она не сестра Фиры.
2. Ее мама умерла из-за алкоголя, продемонстрировав чудовищный пример маргинального материнства, и Валю взяли на воспитание мамин брат и его красивая жена.
3. Мне кажется, они не очень любят Валю.
4. Она дерется лучше всех.
5. Ей очень нравится кататься на коньках, и она делает это очень хорошо.
6. Волосы у нее еще светлее, чем у меня, почти совсем не имеют цвета, и глаза – совсем как вода, какой ее рисуют на картинках.

Теперь, когда я стал писать по шесть фактов о каждом, мне уже очень трудно писать больше или меньше, поэтому фактов о Фире тоже будет шесть.

1. У Фире две неаккуратные толстые черные косы с аккуратными белыми бантами.

2. Она любит стихи и разные мистические истории.

3. Ее папа очень сильно болен, такого у нас не лечат, но людям с червями в головах нельзя покидать свою планету просто так, потому что этого требует их дочь. Если у Фире все получится этим летом, она отдаст отцу свои легкие.

4. У нее ласковый голос.

5. Ее глаза очень темные, а ресницы очень длинные, зато кожа совсем светлая. Поэтому Фира выглядит, как девочка с черно-белой иллюстрации, и вызывает ассоциации с книгами.

6. Она добрая и умная, но очень плохо бегают.

– Привет! – сказал я. Фира лениво, медленно махнула мне рукой, Валя сказала:

– Здорова, крошка политрук.

Однажды Валя мне сказала, что я – мальчик, как с картинки. Я не сразу сообразил, что она имеет в виду, а потом, открыв учебник по обществознанию, увидел мальчика, действительно на меня похожего, строгого, аккуратного и светловолосого. Тогда я понял, что Валя сделала мне комплимент. Вооружившись этим знанием, я хотел предложить ей создать крепкую социалистическую семью, но прежде, чем я

это сделал, она специально разбила мне нос мячом.

Должно быть, из-за того, что я не сообразил все сразу, Валя на меня обиделась. Некоторое время мы и вовсе не разговаривали, но сейчас Валя немного оттаяла. Эта история общеизвестна, а о своих чувствах, в связи с опасностью их обнаружения, я здесь писать не буду, напишу в осенней тетради, которая будет храниться дома.

Да и недостойное это дело – чувствовать чувства. Я признаю несколько чувств: любовь к Родине, веру в прогресс и надежду на светлое будущее. Все остальные чувства я чувствовать не хочу.

Валя и Фира держались на равном удалении и от меня, и от Бори с Володей. Они о чем-то перешептывались, и я испытал недостойное любопытство. Мне казалось, они обсуждают Володю, но я не мог быть уверен.

Фирин папа, товарищ Кац, тоже выглядел очень сонным, его тяжелые веки периодически смыкались дольше, чем на одну секунду, необходимую для того, чтобы моргнуть. Сначала я подумал, что сегодня он совершенно вялый, а потом осознал, что ему грустно.

– О, Фельдман!

– Кац, – сказал товарищ Кац.

– Точно-точно, – сказал товарищ Шиманов. – Как дышится?

Товарищ Шиманов захрипел, весьма натурально, потом резко, по-собачьи, рассмеялся. Настроение у него было при-

поднятое. Он дернул к себе за шкурки Володю и Боря.

– Вернетесь оттуда мужиками.

– Ну да, – сказал Володя. – Ясное дело, бать.

Боря засмеялся, за что тут же получил подзатыльник.

– И ничего смешного, – сказал господин Шиманов, прибавив крепкое словцо.

– Ой! – услышал я. – Ой, Андрюшенька, мы не опоздали!

Я развернулся, чтобы радостно поприветствовать моего самого главного товарища.

Но сначала шесть фактов об Андрюше.

1. Он самый высокий из нас, хотя и не самый старший. Володя старше нас всех на год, однако Андрюша выше него.

2. У Андрюши большие, круглые глаза и все время растерянное выражение лица, он говорит очень тихо и не очень внятно.

3. Андрюша ненавидит всю еду, кроме зеленых яблок. Остальную еду он ест через силу, а когда нам дали баранину на обед, его едва не стошнило.

4. Когда Андрюша проливает воду, он боится вытирать пятна, из них, говорит он, может вылезти черная рука.

5. Он лучше всех рассказывает страшные истории, потому что голос у него монотонный, а фантазия – очень изощренная.

6. Андрюша – отличник, я горжусь им, еще мы – лучшие друзья на всю жизнь.

На самом деле об Андрюше я мог бы сказать куда боль-

ше фактов, и мне даже немного жаль, что я выбрал цифру шесть, но в любой ситуации придерживаться выбранной линии – одно из достоинств человека упорного и идейного, а я стараюсь таковым быть.

Андрюшина мама, тетя Геля, уже ниже, чем ее двенадцатилетний сын. Она очень быстро и невнятно говорит, все время суетится, просит не говорить о плохом, и у нее всегда какие-нибудь дела. Андрюшин папа получил травму на производстве, и теперь он не ходит, так что все проблемы приходится решать тете Геле, поэтому у нее никогда нет времени.

– Привет! – сказал я Андрюше.

– Привет, – ответил мне Андрюша своим обычным печальным тоном. Он – очень астеничный человек. Такое определение я прочитал в книжке, и, по всей видимости, Андрюше оно подходит.

Мы пожали друг другу руки, и мне сразу стало легче. Теперь мы были вдвоем, и мне не приходилось стесняться девочек и опасаться хулиганов.

Андрюша спросил:

– Ты не боишься плавать?

– Нет, – сказал я.

– Представляешь, сколько в воде трупов и нечистот?

Я дал себе труд представить, и мне стало неприятно.

Тетя Геля обняла мою маму, сказала:

– Думала, с ума сойду, пока его соберу. Ну, прощаемся?

Мама кивнула, а тетя Геля вдруг раз – и в слезы.

Я сказал Андриюше:

– Крепись.

– Все в порядке, – сказал Андриюша. – Маме это все очень тяжело. Она будет по мне скучать.

Люди ходили вокруг нас вперед и назад, волочили за собой чемоданы, смеялись, а тетя Геля стояла и плакала, прижав руки к лицу, ее плечи под широким черным плащом, который был ей велик, как-то совсем беззащитно и по-детски дрожали.

Я не знал, что делать. Я не люблю, когда люди плачут, мне хочется им помочь, но я иногда не понимаю, что нужно сказать в такой ситуации. Моя мама положила руку на плечо тете Геле. Тетя Геля, словно игрушка-волчок, отреагировав на прикосновение, вдруг остановилась, перестала дрожать, сказала:

– Мы вообще-то дома не держим ничего черного. Плохая примета. Но у меня прохудился плащ, и мне не в чем было идти, а такой дождь.

Я забыл упомянуть о дожде, потому что он начался, когда я был от него надежно укрыт. Дождь, барабанивший по стеклянной крыше вокзала, казалось, усиливался и усиливался, становился все упрямее, все настырнее, как гость, которого не хотят впускать в дом, а он все не уходит.

Товарищ Шиманов сказал, предварив и закончив фразу двумя одинаково ужасными словами:

– Геля, это ж просто плащ.

Я сказал:

– Может быть, вам принести воды?

– Вот, Геля, давай, погоняй мальчика-робота, развлекись немного!

Тетя Геля покачала головой, убрала с лица налипшие волосы. Слезы ее, как и дождь, все не переставали, только усиливались. Я в который раз подумал, что мне хочется такого папу, как товарищ Шиманов.

– Сделают из твоего сына настоящего мужика, – сказал товарищ Шиманов. – И все будет хорошо, даже прямо замечательно. Нам здесь, на планете, нужны герои!

Андрюша стоял рядом со мной неподвижно, я осторожно подтолкнул его в спину, но Андрюша не шелохнулся. Кажется, эта некрасивая сцена ничуть его не смутила, не расстроила. Андрюша – очень спокойный мальчик, и в этом я ему немного завидую. Я бы хотел быть спокойнее.

Мне стало очень жаль тетю Гелю с ее слезами, и с чужим соседским плащом, который ей велик, и который не к добру оказался черным. Товарищ Кац предложил ей конфету, и это навело меня на мысль о том, что все взрослые когда-то были детьми.

А потом я увидел, как к нам бежит Максим Сергеевич. Он всегда опаздывал и под мышкой всегда держал толстую папку с документами. Иногда, когда он опаздывал слишком сильно и бежал слишком быстро, папка выпадала, и документы устилали полы, асфальты и поляны, ведь Максим Сер-

геевич опаздывал всюду.

На этот раз папку спасти удалось, и он резко затормозил, едва не врезавшись в нас. Оглядев представшую его глазам сцену, Максим Сергеевич, кажется, остался недовольным.

– Ангелина Павловна, давайте без сцен, – сказал он.

Шесть фактов о Максиме Сергеевиче будут таковы:

1. У него нет червя в голове, поэтому его нервная система вполне обычная и здоровая. Он не склонен к насилию и не будет делать плохих вещей просто так. Ему не нужно бояться, что он заболит ксеноэнцефалитом.

2. Он прилетел из Космоса.

3. Ему нравится история, а мы – и есть история. Здесь он хочет стать детским писателем.

4. Но стал нашим куратором. Он принимает указания от руководства. Для нас он – главный человек.

5. На самом деле он не любит детей. Он как-то сказал, что хочет стать детским писателем, потому что ему нравятся детские книги, а не потому что ему нравятся дети.

6. У Максима Сергеевича пушистая светлая борода и смешные круглые очки, которые всегда блестят.

Максим Сергеевич – рассеянный, но строгий человек. Когда мне кажется, что мы ему не нравимся, это меня расстраивает. В конце концов, он наш куратор. Я нравлюсь почти всем учителям, хочу нравиться и куратору.

Максим Сергеевич сказал:

– Вижу, все в сборе. Ну, долгие проводы – лишние слезы.

Слышите, Ангелина Павловна?

Тетя Геля утерла красный нос, и я вспомнил, как мы с Андрюшей сидели у него дома под кухонным столом, и Андрюша светил фонариком на нарисованных им странных животных и рассказывал истории о том, как мы поехали в лес на экскурсию и встретили их. Тетя Геля тогда ходила туда-сюда, она варила куриный суп, и я видел, как болтаются помпоны на ее тапочках.

Воспоминание ничего не означало, по крайней мере при первом осмыслении.

Мама вдруг потянула меня к себе и обняла.

– Хорошо тебе отдохнуть, – сказала она и прижалась губами к моей щеке.

Мне захотелось сказать: почему тебе так грустно теперь, если ты сама этого хотела? Ты ведь хотела, чтобы я стал героем, и вот я почти герой.

Мои мысли показались мне недостаточно внятными для полноценного высказывания, и я сказал только:

– Мама, спасибо тебе за пожелание. Я буду активно писать тебе письма.

Тут я понял, что дождь затих, небо прояснилось и казалось, что стеклянный купол над нами светится. Это было так красиво.

Я посмотрел на поезд, огромный, красивый, блестящий. Поезд издал гудок, от которого все внутри перевернулось. Я еду на море! Я терпеливо ждал, пока мама меня отпустит. А

потом оказалось, что она сделала это быстрее, чем я хотел.

– Будь сильным и храбрым, Арлен, – сказала мама. – И очень честным. Я в тебе уверена. Я буду очень тобой гордиться.

Я сказал:

– Благодарю тебя за напутствие, мама.

Я очень боялся, что она расплатится. И почему-то очень боялся, что она не расплатится. Мама не расплакалась.

Максим Сергеевич впустил меня в вагон первого, и это отчего-то заставило меня гордиться собой.

В поезде я никогда еще не бывал, но видел картинки и фотографии. И все-таки поезд оказался удивителен: светлые окна, низко висящие белые занавески, лихо отъезжающие двери купейных отсеков, скользкий, странный материал, раскрашенный под дерево, свет над головой, рыжее и уютнее, чем в метро.

Как огоньки на елке – об этом я подумал тогда сразу, хотя стоял первый день лета, и до зимы было еще так далеко.

В вагоне оказалось душно, люди разбирали свои вещи, люди открывали и закрывали двери, люди обмахивались газетами, хотя жарко и не было, но ведь не хватало воздуха.

Пахло хлоркой и чем-то еще, очень человеческим, как в метро, но не противным, а едва различимым.

Я распахнул дверь своего купе, чуть не прищемив пальцы.

Как же светло, подумал я, и красиво. Занавески были отдернуты, и волшебный белый свет лился прямо на меня.

Только через пару секунд я различил линии электропроводов, далекие дома и костистый каркас вокзала.

Я уезжал из Москвы.

Впервые так далеко.

Сердце зашлось радостно и тревожно. Бился на ветру красный флаг, небо из белого постепенно становилось синим, и первый луч солнца упал на столешницу, оставив золотую кляксу.

В этот торжественный и прекрасный момент я получил довольно ощутимый пинок и чуть не повалился на столешницу.

Здесь я принимаю важное решение. Я все-таки буду писать плохие слова, которые употребляет Боря, без купюр, однако возьму их в кавычки, чтобы, если тетрадь обнаружится, вместе с ней обнаружилась бы и ужасная приверженность Бори к сквернословию.

Как ни неприятно мне писать такого рода слова, придется все-таки приводить сказанное им дословно. Надеюсь, что кавычки в какой-то степени меня извинят.

– Какого «хуя» ты тут стоишь, политрук, двигай давай.

Я собирался сесть, но Боря схватил меня за шкуру и сказал:

– Не-не-не, ты куда, сначала смотри, чего у меня есть.

Из рюкзака он достал странную, серебристую штуку.

– Что это? – спросил я. – Похоже на кусок трубы с рычагом.

Вещь эта была блестящей и пахла кисло, как мокрая монетка. Боря покрутил ею перед моими глазами. Я увидел темное дуло, как у пистолета, хотя форма вещи о нем совершенно не напоминала.

– Это пистолет для забоя скота, – сказал Боря, вскинув голову. Его вздернутый нос шелушился – так всегда бывало летом.

Тут следует отметить, что бабушка и дедушка Бори и Володи работают на скотобойне.

– Твоя бабушка ворует социалистическое имущество? – спросил я.

Боря сказал:

– Нет, ей подарили.

Я сказал:

– Значит, ты украл.

– Нет, дурочка тупенькая, она подарила мне.

Он приставил пистолет к моей голове, сказал:

– Стержень пробьет твою башку.

– Очень экономно, – сказал я. – Следует использовать такие вещи для казни врагов народа, чтобы не тратить боевые патроны.

Боря засмеялся, потом сказал мне, что спустит курок.

Я несколько растерялся, но не испугался.

– Не спустишь, – сказал я. – Ни в коем случае.

– Почему это?

– Потому что это запрещено правилами поведения в по-

езде, – сказал я.

– Ты и правила прочитал?

– Да, я заранее их прочитал.

И Боря засмеялся, показав красивые, белые, острые зубы. С большой ловкостью он, не выпуская пистолета для забоя скота из рук, влез, почти взлетел, на левую верхнюю полку.

– Но здесь мое место, – сказал я.

– Нет, – сказал мне Боря. – Вдруг тебе приснится какой-нибудь плохой сон о том, как сюда прилетают злые капиталисты-империалисты и устанавливают рекламный щит про газировку, ты заворочаешься и упадешь, разобьешь себе голову, ну и все в таком духе.

Я сказал:

– Но я мечтал спать на верхней полке.

– Да, разумеется, ты мечтал. Но, блин, мечты такая штука обидная – они не сбываются. Воло-о-одь, а я на верхней!

Володя заглянул в купе, осмотрелся, заулыбался.

– А я тоже, – сказал он. – Дрочер недееспособен, но не недоговороспособен.

Следом за Володей зашел Андрюша. Мы переглянулись. Этого стоило ожидать.

К нам заглянул Максим Сергеевич:

– Устроились? – спросил он, на очках его мерцали блики, он моргнул, поправил дужки. – Солнце, солнце.

– Устроились, Максим Сергеевич, – сказал Володя.

– Все ништяк, – сказал Боря.

Я сказал:

– Мы с Андрюшей должны были ехать на верхних полках.

А Максим Сергеевич сказал мне:

– Жизнь вообще очень несправедливая штука. До крайности.

И Максим Сергеевич закрыл дверь. Андрюша сказал:

– Он прав.

Я сказал:

– Но задача человека в том, чтобы это изменить. Мы потомки людей, которые покоряли иные планеты.

– И подцепили паразитов нервной системы, из-за которых нас все ненавидят, – сказал Андрюша.

– О, ваши замечательные разговоры, ура! И смеялся дьявол, создавая плацкартные вагоны, – сказал Володя.

– Но мы в купейном вагоне, – сказал я.

– И что? Это такое выражение.

– Оно неприменимо к этой ситуации.

– Арлен, ты скучный, но бить я тебя не буду, потому что тебя все равно будет бить Борька.

Боря сказал:

– Я буду, ага.

И в этот момент поезд тронулся. Я понял, что совсем забыл помахать маме, а когда опомнился, ее уже не было видно. Боря развернулся, уставился в окно, приоткрыл его, принялся глотать воздух. Мы с Андрюшей чуть пошатнулись, а Володя не пошатнулся ничуть, он скинул свои белые крос-

совки и забрался наверх.

Андрюша сел на свое новое место, а я так и стоял, и меня покачивало из-за хода поезда.

– Сядь, крошка политрук, не маячь, – сказал Боря.

Андрюша сказал:

– И мы уедем на целых три месяца.

– Да, – сказал я. – А вернемся – совсем другими.

До свиданья, Москва, думал я, до свиданья.

Звучало, будто старая песня, и я почти слышал мелодию.

Мимо нашего купе со смехом прошли девочки, наверное, они отправились к проводнице. Стоило мне шевельнуться, как я натолкнулся на чемоданы. Боря и Володя уже лежали на верхних полках, и я предчувствовал, что основную работу по раскладыванию чемоданов придется выполнять нам с Андрюшей.

Впрочем, нет стыдной работы. Стыдно как раз таки отдыхать, пока работают другие.

Мы с Андрюшей поместили чемоданы в отсеки и сели к окну.

– Представляешь, – сказал Андрюша. – А на большинстве планет люди даже не помнят, что такое поезд.

– Да, – сказал я. – Органическая связь прошлого с современностью делает нас прогрессивным классом в борьбе за завершение исторического процесса.

– Да? – спросил Андрюша.

– Да, – сказал я, и мы стали смотреть в окно – быстро за-

кончился город, и вот уже плыли перед нами деревья, быстрее и быстрее, и поезд качался на рельсах, и линии электропроводов казались непрерывной артерией, соединяющей города и природу.

Как это было хорошо, и здорово, и страшно. И чудесно. Мы уезжали все дальше от Москвы, где начало светлеть, навстречу тьме, и время казалось осязаемым, словно движешься в ночь.

Я принялся стелить постель, все остальные медлили. Мои старания окупились, когда к нам снова заглянул Максим Сергеевич.

– Орлы, почему постели не застелены?

Боря встал на мою простыню, носки у него, к счастью были совершенно белые и чистые. Не успел я порадоваться этому, как он наступил мне на колено, чтобы удачнее приподняться.

– Терпи, – сказал Боря. – Людям надо помогать.

И я терпел. На поясе у Бори болтался пистолет для забоя скота.

Я думал: у Бори червь в голове, как и у меня. Но это и все, что у нас есть общего.

Потом он довольно болезненно сдвинул ногу, и я сжал зубы.

Я сказал:

– Осторожнее.

– Терпеливый ты такой, – сказал мне Боря.

Пистолет для забоя скота блеснул в свете солнца. Поезд качнуло, и Боря мазнул коленом мне по носу, это не было больно, но вышло по-дурацки.

Я сказал:

– Пойду на тебя нажалуюсь.

– Ну удачи тебе. Радость-то какая, стукач, и дрочер, и вся королевская рать!

– А ты бы охотнее ехал с девчонками? – спросил Володя.

– Я уже в том возрасте, когда я бы охотнее ехал с девчонками, – сказал Боря. – Но не с такими страшными, как вы, малышки. Вот с Фирой или Вале́й – другое дело.

Мама говорила мне всегда пропускать оскорбления мимо ушей, потому что отвечать на них будет лишь тот, кто опустился до уровня оскорбителя.

Этим я и руководствовался.

А еще я опять вспомнил, что не помахал маме, пока она стояла на перроне. Не помахал, а стоял и смотрел вдаль, не на нее, не на людей, и думал о своем.

Мне пришло в голову, что мама все еще на вокзале. Она гордится мной, я знаю, но отчего тогда сегодня так тревожилась?

Когда-то она сама хотела, чтобы я стал космическим солдатом, и я почти уже им стал.

Андрюша сказал:

– Я взял карты.

– Картежничество – это порок, – сказал я. – Я буду смот-

реть в окно. А когда мне надоест, займусь чем-нибудь полезным. Почитаю книгу.

– У меня есть кроссворд, – сказал Андрюша.

Боря с Володей почему-то засмеялись, но они вообще часто смеются.

А вот и то, о чем я хотел написать, и к чему подводил все это время. Пусть описать свое утро у меня вышло неловко, пусть многие вещи оказались более запутанными, чем я их представлял, но я хочу сохранить вот что: как бегут краски за окном, до полной неразличимости сливаются друг с другом деревья, как синее небо похоже на обещанное нам море, как дождь начинается и быстро заканчивается, словно поезд вонзается в него и проходит навывлет.

Это удивительно, и я такого еще никогда не видел.

На этом и следует закончить данную запись, хотя ее сердце заняло ровно две строчки.

Скоро Максим Сергеевич будет раздавать сухпак, и я хочу ему помочь, потому что всегда нужно брать на себя ответственность, даже в мелочах.

Посмотрим, как пройдет день.

Запись 2: Исторический документ

Пока мы раздавали сухпак (это было быстро), Максим Сергеевич сказал мне очень мудрую вещь, которую я теперь запишу здесь.

Любой дневник, любая запись, все, что создано рукой человека и имеет смысл, – это исторический документ. Сейчас я пишу историю будущего. Разумеется, моя тетрадь может потеряться или сгореть, ее может никто никогда не найти, большинство вещей исчезают без следа.

Но если вдруг вы прочитаете эти записи, легко или с трудом, потому что мой язык станет очень древним, я хочу обратиться к вам, люди будущего.

Мои записи могут показаться вам глупыми и наивными, потому что созданы в непростые времена войн и хаоса человеком, который не вполне осведомлен обо всем, что происходит в Космосе, и может говорить лишь за свою маленькую, даже крошечную планетку, где живут люди с червями в головах.

Но и история моей маленькой планетки – тоже история.

И моя история – тоже история. Или это индивидуализм? У людей будущего, наверное, не будет уже никакого индивидуализма, и все будут ценить друг друга так же, как самих себя.

Так или иначе, я решил обращаться к людям будущего,

чтобы им было интереснее читать мой дневник, когда все ныне со мной происходящее уже станет историей. Хотя я чувствую себя от этого несколько неловко, ведь не знаю, как именно мои слова отзовутся в тех, кто еще даже не родился. Вдруг я кого-то обижу?

Знайте, что такого намерения у меня нет.

Итак, нам выдали сухпак (вернее, всем выдали сухпак при моем активном участии): воду питьевую бутилированную (1 литр), огурец, яблоко, вареное яйцо, сыр плавленый, хлеб, вафли.

Андрюша сказал:

– Я могу съесть огурец и яблоко.

Я сказал:

– Я отдам тебе свои огурец и яблоко.

Володя сказал:

– Мне так нравится, как неестественно вы говорите, это умат.

Я сказал:

– Я стараюсь всегда контролировать свою речь.

– Вы сегодня даже прикольные. Вам такого, наверное, никогда не говорили.

Андрюша сказал:

– Говорили. Мы друг другу говорили. И представляли, что это ты нам говоришь.

Это была неправда: такого мы друг другу не говорили. И вообще слово «прикольный» звучит довольно грубо. Но Во-

лоде, кажется, польстила шутка Андрюши.

День в поезде, как оказалось, тянется очень медленно. И хотя можно много читать или мечтать, за чем время обычно пролетает быстро, в поезде все иначе – каждая секунда внутри него имеет вес больший, чем снаружи.

От этого на всем появляется такая патина скуки, от которой сложно избавиться. Но я, например, легко выдерживаю скучные вещи, я могу неопределенно долго делать что-то монотонное, и за это меня очень даже ценят.

Боре же сложно усидеть на месте. Весь день он то слезал вниз, то забирался обратно на верхнюю полку и с каждым разом выглядел все более раздраженным.

– «Пиздец», – наконец сказал он.

Андрюша вздохнул. Володя сказал:

– Зато завтра будет просто зашибись, успокойся ты уже.

– Поезд – это отстой, он как клетка.

– А я иногда думаю, – сказал Володя. – Вся наша планета – как клетка. А может быть, кто-нибудь думает: вся наша Галактика – как клетка. Тут должна быть философская мысль, но у меня она недооформилась.

К слову о философских мыслях. Некоторые вещи, очевидные для меня, могут быть далеко не так очевидны для вас. Я понял, что следует пояснить. Например, что такое КБП? Наверняка историкам будет сложно работать с аббревиатурой, если не сохранится иных свидетельств.

Поясняю: КБП – Комитет по борьбе с паразитами. Эти лю-

ди занимаются сложной и ответственной работой. Они оберегают нас от тех, кто болен ксеноэнцефалитом. Для того, чтобы помочь КБП, мы сами должны быть бдительными и подмечать странности наших друзей и соседей.

Большинство людей, работающих в КБП, не имеют червей в голове. Они экспаты. Им тяжело приходится на нашей планете, они вынуждены много работать, чтобы не допустить трагедий и жертв. Думаю, многим из них глубоко противны люди вроде меня, но это можно понять. Фира рассказывала, что один человек из КБП говорил Максиму Сергеевичу, будто не может долго находиться с нами, будто мы вызываем у него инстинктивное ощущение омерзения, как черви в мясе или насекомые. Максим Сергеевич согласился с ним, сказал, что поначалу у него все тоже было именно так, но со временем он привык.

Мне сложно понять подобные чувства, потому что я никогда не испытывал к людям отвращения. Мне не нравится, что у меня в голове, в голове у моего лучшего друга, в голове у моей мамы, в головах у моих соседей и так далее и тому подобное живут черви. Но это осознание почему-то не вызывает у меня ужаса. Люди, не зараженные паразитами, испытывают омерзение при мысли о живом существе в моем мозге, но, наверное, они не вполне понимают, что я его не замечаю.

Теперь следует рассказать про червей, потому что может стать так, что ко времени обнаружения этого дневника ни у

кого уже не будет червей в голове (в лучшем мире, наверное, будет найдено лекарство).

Наша планета стала домом для колонистов с Земли много столетий назад. Во многом она изначально походила на Землю: имела воду, атмосферу, растительность (именно такие объекты искали), но на этой планете не наблюдалось никаких разумных форм жизни, да и крупных животных тоже не имелось. Многие называли нашу планету новым Эдемом, вновь найденным райским садом. Мне совсем не нравится это сравнение, потому как я не верю в Бога, но оно часто встречается в учебниках (с неперемнной отметкой о непрогрессивном способе мышления). После нескольких десятилетий подготовки планеты на ней прижились наши земные растения (они сейчас и составляют основу местной флоры) и многие животные, а затем сюда отправились первые колонисты.

Поначалу действительно казалось, что люди попали в райский сад и загрязненная, печальная, унылая Земля наконец-то осталась позади. Я пишу это со всем уважением к колыбели человечества, но она к тому времени уже не была способна нести груз разумной жизни.

Наша планета стала первой колонией землян в Космосе. Для колонистов создавались все условия, планета постоянно принимала новых поселенцев и функционировала так же, как и другие колонии, вскоре основанные в разных частях Галактики, демонстрируя высокие темпы экономиче-

ского развития.

Затем случилась эпидемия, не на шутку взволновавшая все человечество. Болезнь, названная ксеноэнцефалитом (это была первая инопланетная болезнь, с которой столкнулось человечество) стремительно распространилась в колонии Аврора (прежде я не упоминал названия, и это с моей стороны весьма неблагоприятно).

Летальность оказалась очень высокой, симптомы, как следует судить из названия, были стандартны для воспаления мозга: лихорадка, головная боль, светобоязнь, эпилептические припадки, нарушения сознания, параличи, кома.

Худшие опасения человечества (что природа заболевания вирусная, и, следовательно, у него высокая контагиозность), впрочем, не оправдались, ксеноэнцефалит фактически не выбрался за пределы Авроры. Болезнь вызывал местный паразит, червь, обитавший в земле, чьи личинки попадали в организмы людей вместе с выращенной на этой земле пищей. Оказавшись внутри нового хозяина, червь убивал его. Следует оговориться: червь – название условное, основанное на его внешнем виде, однако это существо имеет также и черты насекомого, а в общем и целом, его с трудом можно соотнести с земной классификацией. Устоявшееся название.

Большинство поселенцев, как и большинство червей, так и не смогли друг к другу приспособиться. Однако некоторые люди выжили. Смертность при ксеноэнцефалите оценивалась в пределах восьмидесяти процентов.

Оставшиеся, те, кто выздоровел, требовали немедленной эвакуации с планеты, обвиняли правительство в халатном отношении к здоровью населения, страдали от перебоев с поставками продуктов (колония еще не вышла на полное самообеспечение) и вынужденной изоляции.

Спустя некоторое время (годы), эвакуация все-таки была объявлена. Однако в ходе исследований выяснилось, что черви не только до сих пор находятся в головах выживших (этого стоило ожидать), но, более того, личинки содержатся в половых клетках мужчин и женщин. Поэтому от союза человека, зараженного червем и человека, незараженного червем, всегда получается зараженный ребенок, вне зависимости от того, отец носитель заболевания или мать.

Эвакуацию прекратили, носителей заболевания, а также их детей, вернули обратно на Аврору. Следует признать, что эвакуация была свернута без должных исследований, однако же их результаты все равно бы никого не обрадовали.

Аврора оказалась в изоляции и фактически считалась заброшенной еще четыре сотни лет. К тому моменту, как на Аврору снарядили следующую экспедицию, она уже считалась необитаемой.

Однако высадившиеся на Авроре неожиданно для себя обнаружили цивилизацию. Это и была цивилизация моих предков, которыми я вовсе не горжусь. Наши предки жили в централизованной империи (Улей) и поклонялись императору (Червью). Их нельзя было в полной мере назвать людьми,

во всяком случае, на некоторых этапах развития паразита. Их разумы связывались в причудливую сеть, сходящуюся к императору. Многие люди на Авроре обладали способностью изменять свою плоть самыми фантастическими способами и могли регенерировать, при условии наличия нужного количества энергии – достаточно было буквально одной живой клетки.

Многие не считали наших предков людьми. Сами наши предки не считали себя людьми, они называли себя детьми Червя. Нас однажды водили в музей, посвященный тем временам, я видел их произведения искусства: много золота (на Авроре в золоте нет недостатка), причудливых цветных минералов. В общем и целом, многие предметы культа и царственные инсигнии напомнили мне византийское и русское (в те времена, когда оно находилось под влиянием Византии) искусство древнейших времен.

По всей видимости, император не просто управлял своими подданными в качестве правителя, но обладал над ними также биологической властью. Император, в отличие от своих подданных, легко переносил активность червя – не страдал от жара, не умирал рано. Все носители червя были в той или иной степени связаны друг с другом вплоть до чтения мыслей. В сочетании с чрезвычайной живучестью телепатия и единый центр координации сделали обитателей Авроры сильными противниками для других космических колоний. Аврорианская империя, получив доступ к космическим пе-

релетам, сумела распространить себя довольно далеко. Это было развращенное, отсталое и жестокое государство.

Отчасти беспрецедентная жестокость была связана с неврологическими особенностями жителей Авроры. Я не специалист в области биологии (мне двенадцать лет, я совершенно ни в чем не специалист), но нам всегда говорили, что мы плохие изначально, больше склонны к насилию и агрессии, пусть у каждого эти проявления и индивидуальны. Среди носителей червей зафиксирован наибольший процент как серийных, так и массовых убийц. Также присутствие червя связывают с ускоренной реакцией, повышенным сексуальным влечением и пониженным самоконтролем.

Это связано с тем, что червь встраивается в нервную систему эмбриона еще при ее закладке, и это ведет к недоразвитию или повреждению некоторых высших функций.

Мне не хотелось бы глупо ошибиться и отправить науку будущего на неверный путь, поэтому я стараюсь излагать максимально близко к тому, что нам рассказывают на уроках.

Война с Аврорианской империей (или война с Червями, как ее еще называют) длилась без малого полсотни лет и завершилась при помощи нашего великого, соединяющего народы, государства и планеты справедливого Союза, наследовавшего первому в мире социалистическому государству.

В первую очередь наше государство заботится о людях, даже о таких, как мы. Никто не истребил нас за наши страш-

ные дела, хотя многие хотели. Но под защитой Союза мы и ныне процветаем на планете Аврора.

Разумеется, за нами присматривают и устраняют (ради нашего же блага) тех, в ком паразит переходит на вторую стадию развития. Разрушена, к счастью, несправедливая и отсталая императорская система. С гибелью императорской семьи оказались разорваны узы, соединявшие когда-то представителей нашего народа. И со временем мы становимся все больше похожи на людей. Теперь мы не только выглядим, как люди, но и ведем себя, как люди.

Государство позволило нам существовать под его защитой, и вот мы уже более полутора сотен лет живем в мире. Мы лишены современных технологий, но наше заботливое руководство воссоздало, насколько это было возможно, на Авроре исторические условия двадцатого века так называемой новой эры на планете Земля. Возможно, когда-нибудь наша планета станет парком для историков и увлекающихся историей, но сейчас попасть сюда можно лишь по особым пропускам.

Конечно, историческая точность (хотя профессионалы и были привлечены к работе) нашего окружения не так высока, насколько я понимаю, в архитектуре, быте и институциях мешаются элементы самых разных периодов, к примеру тридцатых и восьмидесятых. Я очень рад, что у нас есть элементы всей почти семидесятилетней истории первого социалистического государства. Историческая точность – это за-

дача, цель же – воспитать из нас настоящих советских людей: добросовестных, деятельных, трудолюбивых и честных.

Мне очень комфортно жить на нашей планете, хотя я и хотел бы посмотреть на то, что находится за ее пределами.

Некоторые специально проделывают большую работу для того, чтобы получить пропуск на Аврору. Например Максим Сергеевич. Он очарован историей, и ему нравится жить в двадцатом веке, пусть и таком условном.

Процитирую его:

– Вы, мальчишки и девчонки, мечтаете о космических полетах точно так же, как ваши товарищи много сотен лет назад. Но это все довольно скучно. Куда скучнее, чем наблюдать, как вы друг с другом цапаетесь за эту унылую перспективу.

Надеюсь, его слова вполне благонадежны для цитирования. Впрочем, если нет, значит, он допустил ложное идеологическое высказывание, и это главным образом его вина.

В данный момент на Авроре почти безопасно. Во всяком случае земля была тщательно санирована, и теперь червь не встречается в естественной среде обитания, а передача его от человека к человеку возможна только внутриутробно.

Еще мы не съедобные. Наши организмы приспособлены носить в себе червя, но, если мы будем съедены (вернее, если будут съедены наши мозги), обжора погибнет от ксеноэнцефалита, который все еще крайне мучителен и смертелен для неадаптированных организмов.

Официально экспатам, вроде Максима Сергеевича или моего папы, запрещено заводить здесь семьи, но многие все равно вступают в отношения, ребенок в любом случае наследует червя и не может покинуть Аврору, поэтому особенно-го вреда от таких связей на первый взгляд нет.

Жаль, что папе пришлось отправиться обратно в Космос, жаль, что ему не понравилось здесь, у нас, так же сильно, как Максиму Сергеевичу.

Я и мои товарищи – первые участники проекта по контролируемой активации паразита. Если все пойдет правильно, мы обретем силы, которыми владели многие наши предки и не потеряем при этом разум. В случае нынешних солдат, например товарища Шиманова, такой исход – маловероятная случайность, почти чудо. Но мы, скорее всего, станем первыми, кто получит доступ к способностям червя намеренно.

Я думаю, мои возможности, червь в моей голове – все это послужит на благо нашего самого справедливого в мире государства. Я в этом уверен.

Пока я писал, за окном уже стемнело. Боря и Володя опять ушли. Мне кажется, Боря курит в тамбуре. Я не могу быть уверен в правонарушении, но, когда он возвращается, от него пахнет табаком. Это необходимо пресечь, и, когда Максим Сергеевич зайдет к нам, я обо всем доложу.

Тело Бори – государственная собственность. Он обязан сохранять свое здоровье ради того, чтобы его мозговой червь был максимально продуктивен. Кроме того, таким малень-

ким мальчикам вообще не стоит курить.

Я никогда не буду курить. И пить тоже никогда не буду.

А еще теперь за окном все как будто фиолетовое, очень красивое. Небо стало совсем похоже на дорожную ткань, а эти золотые звезды фонарей!

На картинках я много раз видел ночное небо таким, каким люди видели его с Земли. На Авроре оно другое, чуть более яркое, и рисунок звезд отличается. Я не вижу многих созвездий из тех, что видели земляне, или вижу их не так.

Из окна поезда не разглядеть никаких настоящих звезд, а свет фонарей размазан, будто кто-то промокнул блестящие эти пятна кистью. Это очень красиво, и мне так сильно нравится! За нами следом устремляется луна. Она похожа на большую игривую рыбу. Не формой, разумеется (хотя кто знает, какой формы рыбы будут на вашей планете), а той мягкой, изящной ловкостью, с которой она ныряет в небо.

Андрюша спит или делает вид, что спит. Он часто делает вид, что спит, а на самом деле – мечтает. Я ругаю его за бездеятельность, но, наверное, зря. Друзья должны принимать друг друга такими, какие они есть.

Андрюша совсем не бледный, даже смуглый чуть-чуть, но в темноте кажется почему-то очень белым. Его ресницы едва заметно подрагивают. О чем он думает, я не знаю, это никогда не бывает понятно. У Андрюши открытое, доброе, симпатичное лицо, кажется, такой человек должен быть как на ладони, но на самом деле все не так.

Я хочу понимать его лучше, чтобы быть более верным и добрым другом.

В железном подстаканнике стоит стакан, в стакане подрагивает недопитый Володин чай. Я смотрю на него, и он странный. Похож на янтарное море в волнах. Чай плещется, и свет фонарей пронзает его, а потом пропадает и снова возвращается. Очень-очень красиво.

Не знаю, зачем я заканчиваю эту запись так. Наверное, людям будущего будет странно читать об этом моменте моего настоящего. Ничего интересного. Но, может быть, людям будущего незнакомы ночи. Вдруг мы стали по-иному жить у звезд? Я не знаю, как это возможно, и, наверное, это вряд ли возможно.

Ночи красивые, когда их что-то освещает. Люди, наверное, всегда будут освещать свои ночи.

Проснулся Андрюша. Я дам ему почитать эту запись и спрошу его мнение. Надеюсь, ему понравится мое изложение исторических фактов. Как круглый отличник он должен поделиться со мной своим ценным мнением.

(Впрочем, люди будущего не должны думать, что я не отличник – я почти что самый настоящий отличник, особенно, когда дело касается теории, что касается практики, я немного неповоротливый, зато выносливый и сильный физически.)

Еще я не представился, то есть я писал свое имя, но не представился полностью. ФИО: Жданов Арлен Георгиевич.

Конец записи.

Запись 3: Привет, меня зовут Андрюша

Привет, меня зовут Андрюша.

Запись 4: Ночное время

Я вне себя от возмущения! Сейчас я расскажу вам, что здесь происходит.

Во-первых, я рассчитывал лечь спать после отбоя, ведь, как вы помните, я очень мало спал. Отдых необходим для растущего организма, тем более, что сегодня день выдался нервный и очень особенный.

Разумеется, я уважаю правила общежития, поэтому как только Максим Сергеевич сказал, что наступил отбой, я немедленно накрылся одеялом и принялся спать. Это было легко, потому что я в самом деле устал.

Разбудил меня шепот, причем такой, какого в нашем купе точно не должно быть.

Девчачий шепот.

Я подумал, что мне это снится, ведь у девочек приятные голоса, а мне вполне может сниться что-то приятное. Но когда я открыл глаза, оказалось, что совсем рядом с моими ногами сидит Фира. Ее длинные, густые, черные как смоль (устойчивое выражение) волосы были распущены и странно блестели в свете фонарей, мимо которых пролетал наш поезд. На белой столешнице она разложила карты. Вид у Фиры сделался самый загадочный.

Володя говорил:

– Капец, поезда мне так нравятся. Поезд – лучшее, что

случилось в моей жизни. Обожаю поезда.

Рядом с ним сидела Валя. В темноте она, такая светленькая, почти светилась, будто призрак в мультфильме.

– А моя мачеха, – сказала Валя, – умеет гадать, как гадали еще в червивые времена.

– Я только один расклад знаю, – сказала Фира. – Это на судьбу. Только нельзя подряд двум людям гадать, я вспомнила.

Фира принялась собирать карты.

– Валя, посиди на колоде.

– А почему я? – спросила Валя.

– Должна девочка сидеть, чтобы энергетика очистилась.

Я едва мог держать себя в руках. Мало того что происходит антинаучная чепуха, так еще и после отбоя.

Я сказал:

– Что это вы тут делаете? У вас есть свое купе. А ну идите спать, не то я позову куратора.

Фира посмотрела на меня своими большими, блестящими в темноте глазами.

– Ленчик, – сказала она. – Ну ты же нас не заложишь, правда?

– Меня зовут Арлен, – сказал я. – Леня – это Леонид. А меня, пожалуйста, называй полным именем, как всегда раньше.

Я и возмутился, и смутился. Нет, мне совершенно точно не понравилось коверканье моего имени, но тон, которым

она это все произнесла, был особым и прежде мне незнакомым.

Фира передала колоду Вале, и Валя на нее села. В этот момент меня ударили пяткой в нос.

– Боренька, – сказала Фира. – Он никому ничего не скажет.

Вышло не больно, но очень обидно. Я, не сообразив что делаю, сильно дернул Борю за ногу и едва не свалил его вниз (а это может быть фатально, и вообще крупное нарушение техники безопасности). К счастью, Боря ловкий, он успел вовремя схватиться за держатель для полотенец, и тот жалобно звякнул.

– Вот «сука», – сказал он. Да, именно так. – «Пиздец» тебе теперь.

Вынужден, к сожалению, привести эти слова именно так, как они прозвучали.

А потом Боря засмеялся. Обычно выражение на его лице всегда скучающее и надменное, такое, словно вокруг него вращаются все планеты и ему это решительно надоело. Но когда он смеется, то весь меняется, показывает белые острые зубы, становится похож на животное.

Андрюша говорит, что Боря похож на свинью. Он совсем не толстый, даже наоборот, поджарый, как многие активные дети, а ведь именно толстых мальчиков принято обзывать так. Но на свинью Боря похож в самом деле – из-за вздернутого носа и забавных щечек.

Андрюша называет его свиноподобным, что звучит, по моему, жутковато. Еще Андрюша говорит, что маленькие поросята похожи на чертей.

Однажды мы ездили на экскурсию на скотобойню (где работают дедушка и бабушка Шиманова), и там свиньи издавали ужасные звуки, похожие на звуки ада. Хорошо, что на самом деле никакого ада нет.

Справедливости ради, у Володи такой же нос и тоже смешные очаровательные щечки, но его никто не сравнивает со свиньей, потому что он не такой злой.

Но вернемся к моим нынешним неудачам. Володя сказал Боре на меня «забить», и Боря, спустившись с верхней полки, сел рядом. Андрюша сказал:

– Фира, а ты мне тоже погадаешь?

Я почувствовал боль предательства, ощутил его, так сказать, во всю силу.

Андрюша все наблюдал за Фирой, взгляд его оставался неподвижным, а Фира сохраняла загадочный вид. Я вздохнул, и взял свою тетрадь, и начал это писать. Если людям будущего такое хоть капельку интересно, то ребята все еще гадают, хотя уже совсем наступила ночь. Самая что ни на есть настоящая.

Я лежу, пишу, свечу фонариком на страницы и пытаюсь думать о том, что раньше, на Земле, если люди ездили в другую страну на поезде, их проверяли пограничники с собаками. Мне бы хотелось увидеть пограничников с собаками. На-

верное, у них были бы чудесные, здоровые и сильные, главное – очень умные собаки.

И все же мои мысли часто сбиваются на то, что девочки в темноте очень особенные, они словно светятся и почему-то кажутся удивительными.

Вот сейчас Фира говорит своим тихим нежным голосом:

– Семерка крестей – это знак дальней дороги. Сейчас мы посмотрим, какая это будет дорога, чем она для тебя обернется, Боренька.

– Трахну инопланетную красотку на руинах межгалактической космической станции, – говорит Боря.

Фира встряхивает густыми волосами и говорит:

– Будешь таким грубым, я тебе гадать ни за что не буду. – И она переворачивает еще одну карту в раскладе.

– Рядом с тобой всегда будет тот, на кого ты сможешь положиться.

– О, – говорит Володя. – Это ж я.

– Может быть, – говорит Фира осторожно. – А может быть, и нет. А вот восьмерка червей означает, что ты – счастливчик.

– Это я и без тебя знаю, – отвечает ей Боря.

В темноте белки его глаз блестят очень сильно, и он готов засмеяться, это видно. Почему-то гадания ввели всех в нездоровый ажиотаж. Я не одобряю гаданий, потому что это пустое развлечение. Необходимо строить будущее своими руками, а не надеяться на десницу судьбы.

Нам не на кого надеяться, кроме друг друга и самих себя. Даже, наверное, самих себя нужно написать в первую очередь.

Ночью поезд как будто сильнее шумит, и словно его качает больше, но это, наверное, потому, что скорость увеличилась. Я это чувствую и вижу.

Фира собирает карты, мешает колоду, снова передает ее Вале.

– Посиди еще.

Вот чем они занимаются.

Опять произошла небольшая пауза. Ко мне наклонилась Фира. От ее волос пахло чем-то сладким, и она спросила:

– А что это ты там пишешь, Арлен?

Мое имя она произнесла подчеркнуто жестко, но получилось все равно как-то до странного ласково.

Я ответил честно, и Фира сказала, будто бы я не ответил ничего:

– Дай-ка я и тебе погадаю.

Андрюша сказал:

– Давай, Арлен, это очень весело.

Андрюшин голос не навел на мысли о веселье, но таков его голос всегда. Я не знаю, почему я согласился, и виню себя за это.

Фира сказала мне сесть напротив нее, я потеснил Андрюшу и уставился на белую столешницу. Фира разложила передо мной карты. Володя и Боря внимательно за нами наблю-

дали, и я чувствовал, что не могу ошибиться, хотя ошибаться не в чем – мне вообще не надо было ничего делать.

Фира перевернула первую карту.

– Король пик, – сказала Фира. Дедушка с добрыми глазами, нарисованный на карте, представлял собой рудимент отставшего государственного строя и не вызвал у меня никакой симпатии. Кроме того, ему следовало подстричься. – Это друг или равнодушный к тебе покровитель.

Боря и Володя захохотали, я закрыл глаза и вздохнул.

– Интерпретация, – сказал я, – характеризует интерпретатора в большей степени, чем интерпретируемое.

– Что, Жданов, проведешь лето на коленях перед Максей? – хохотал Боря. – Равнодушный к тебе покровитель, ой не могу, не могу!

Я сказал:

– Что еще можно узнать по поводу моего лета?

– Восьмерка пик – тень печали, – сказала Фира.

– Пионер не должен впадать в уныние, – сказал я. – Да и к тому же, это чувство слишком личное. Пионер не имеет право на личные чувства, ведь он общественное ставит выше индивидуального.

Валя сказала:

– Ой, помолчи ты, интересно же.

Ее волосы тоже были распущены, но Валины волосы не доходили ей до плеч. Она сидела, подобрав под себя ноги, и почесывала колени. На ногтях у нее блестел золотистый лак,

в неверном свете фонаря он казался трогательным и ярким.

В течение учебного года подобный внешний вид не поощрялся, но, конечно, начались каникулы, и я не стал делать ей замечание. Девочки есть девочки.

– Еще тебя ждут хлопоты, но в конце – примирение.

– С кем? – спросил я.

– С Максей, ясное дело.

– Я скажу Максиму Сергеевичу, как ты его называешь, – пообещал я.

Боря уперся языком себе в щеку, изобразив что-то весьма неприличное (впрочем, хочу думать, что подробностей я не понял).

– Этого карты не знают. Могу предположить, – сказала Фира, – что после хлопот и печали ты помиришься с кем-то, кто тебе дорог. Например, вы поссоритесь с Андрюшей и помиритесь.

Андрюша вздохнул так, словно наша с ним ссора уже решенный вопрос.

Я сказал:

– Спасибо, Фира, это было познавательно.

Потому что всегда следует благодарить человека за то, что он для тебя делает, даже если ты не со всем согласен.

Они теперь рассказывают анекдоты. У Володи есть любимый анекдот про девушку из Ялты. Это, как говорит Володя, анекдот о бессмысленности жизни. Когда Володя так говорит, его лицо приобретает какое-то совсем взрослое выра-

жение, что комично.

Я расскажу этот анекдот в собственной редакции, потому что Володя употребляет слишком много сниженной лексики.

Анекдот про девушку из Ялты:

Мужчина умер и попал в так называемый рай, где встретил весьма гипотетического Бога. В раю мужчине относительно понравилось, однако был один вопрос, который не давал ему покоя.

Мужчина подошел к Богу и сказал ему:

– Господи, спасибо тебе за рай, здесь в самом деле очень здорово. Но не мог бы ты сказать мне, в чем был смысл моей жизни?

Бог сказал, расставляя театральные паузы в нужных местах:

– Смысл, смысл... Ялту помнишь?

– Помню, – ответил мужчина.

– Восемьдесят шестой год, – сказал Бог. – Ты там был на дне рождения у своего однокурсника.

– Да, помню. Мы ели шашлык. Были звезды. Очень красиво.

– Да-да, – сказал скучающим тоном Бог. – Разумеется, тебе понравилось. А девушку в красном помнишь?

– Девушку в красном, – задумался мужчина. – Да, пожалуй, помню. В красном, красивом платье с белым цветком на плече.

– Да, – сказал Бог. – Ее. Помнишь, она тебя попросила

передать ей соль?

– Помню, – сказал мужчина. Пауза. Бог молчал. Мужчина поторопил его:

– Помню-помню, и что же? Я передал ей соль! И что же дальше?

– Ну и вот, – сказал ему Бог.

Это самый взрослый анекдот, который я когда-либо слышал. Все засмеялись, а я сказал:

– Бога нет.

Андрюша тоже рассказал анекдот. Его я приведу в авторской редакции.

Никто не хотел слышать анекдот от Андрюши.

– Я тоже знаю один анекдот, – сказал Андрюша.

– Один анекдот знаешь, дрочер? – засмеялся Володя и пригладил волосы точно так же, как это делает товарищ Шиманов.

– Всего один, – сказал Боря и шмыгнул носом.

– Ну ладно, если не отстанешь, тогда расскажи, – сказала Валя.

Андрюша вздохнул, посмотрел в окно, на темный лес на фоне фиолетового неба, похожий на детскую аппликацию.

– Жила-была одна вдова. Она пришла к гадалке и сказала: узнай мое будущее. Гадалка посмотрела в свой волшебный шар и сказала: тебя ждет большая потеря, наверное, ты станешь вдовой. Но я уже вдова, сказала женщина, мой муж умер две недели назад от рака. Да? Так спросила гадалка.

Значит, ты потеряешь ребенка. Но все мои дети мертвы, сказала женщина, один умер во младенчестве, а другой погиб на войне. Но твоя собака, сказала гадалка, она умрет. Моя собака, сказала женщина, отравилась и умерла. Гадалка подумала-подумала и сказала: тогда ты потеряешь зонтик.

Я понял соль шутки, однако мне стало скорее грустно, чем смешно. У Андрюши куда лучше получается рассказывать страшные истории. Хотя, если подумать, история про вдову и зонтик – очень страшная.

Почему одни люди рассказывают анекдоты смешно, даже если анекдоты грустные, а другие люди рассказывают анекдоты грустно, даже если они смешные?

Я думаю, что ответ лежит где-то в области психологии.

А я все-таки лягу спать, потому что для психологической готовности и умственной продуктивности необходимо выполнять здоровую норму труда и отдыха.

Запись 5: Психологические характеристики от доктора Шиманова (младшего)

Значит так, как доктор медицинских наук, имею сказать следующее: все здесь ебанутые.

Диагностический тест у меня короткий:

По стене ползет кирпич,
Красной Армии боец,
Если хочешь закурить,
В углу валенки стоят,
Валенки, валенки,
Бей фашистских оккупантов.

По результатам диагностики психический статус пациентов вот каков.

Шиманов Владимир Александрович:

Образец адекватности, во времени, пространстве и иерархии школьников ориентирован. На вопросы отвечает спокойно, адекватно, улыбается. На контакт идет охотно. Утверждает, что имел секс с экспаткой, которая отказалась ему сошать, дескать, от червей в сперме у нее голова заболит. Память сохранена, мышление в целом ускоренное. Присутству-

ет некоторая амбивалентность: угрожает «дать пизды, если не перестанешь баловаться», потом смеется, говорит: «Хорошо это ты придумал». Пословицы понимает, но не все. Пословицу «конец – делу венец» понимает превратно. Об увлечениях говорит охотно: ходит в «качалочку», занимается «спортком», «зимой – на лыжах». Не курит, не пьет, вредные привычки отрицает. Настроение мало изменяется по ходу беседы, остается добродушным, вполне контактным. На слова «ты – хуй» реагирует смехом, затем угрозами, затем снова смехом.

Ну просто образец психической целостности.

Жданов Арлен Георгиевич:

Во времени и пространстве ориентирован плохо, считает, что на дворе тридцатые двадцатого, угрожает написать на врача донос «куда надо». Эмоционально возбудим. Пытается отобрать документ, ругается, однако беспонтово. Память сохранена, мышление вязкое, обстоятельное, но символичное. Еблан, каких поискать. Нарушения в сфере половых инстинктов: на вопросы о половой жизни отвечает, что хочет завести семью с девушкой социалистических взглядов. Слабодушен, затрагиваемые темы для разговора его расстраивают, может заплакать. Осанка прямая, одет аккуратно, причесан хорошо. Жесты выразительные, рубленые, резкие. Язык клишированный, стереотипный, часто употребляет лозунги, сопровождает своеобразным жестом – прижима-

ет руку к сердцу, говорит громко, отчетливо. Часто употребляет слова: государство, дисциплина, правила. Планы на будущее строит абстрактные, говорит о помощи народам всей Вселенной, светлых идеях прогресса, космических путешествиях. Требуется, чтобы его выпустили, требует обратно документы, утверждая, что они принадлежат ему. Яркие эпиплептоидные черты. Критика к своему состоянию отсутствует. Диагноз: дурочка тупенькая.

Арефьев Андрей Романович:

Идти на контакт отказывается. Утверждает, что врач не имеет полномочий с ним разговаривать. Одет небрежно. Говорит негромко, небыстро, невыразительно. Речь малоинтонирована. Только глазками лупает. Беспокоится, опасается, что врач его побьет, высказывает надежду на благополучное разрешение ситуации, затем тушует. Мышление амбивалентное: говорит, что «хочется сыру», потом расстраивается, потому что сыр не любит. Жестикуляция практически отсутствует, руки сложены на коленях. Выражение лица грустное, иногда лицо выражает ужас, с изменением внешних обстоятельств ужас никак не связан. Нарушения в сфере половых инстинктов: дровер, страдает от компульсивной мастурбации. Шхерится по углам, как психанутый. Увлечений, хобби нет. Говорит, что фантазирует. На вопрос: «Понимаешь, почему ты здесь?» отвечает: «Еду в поезде, в санаторий». На вопрос: «О чем фантазируешь?» отвечает: «Про-

сто так». Пословицы понимает. Любимая – «семь раз отмерь, один раз отрежь». Страдает всеми известными парафилиями. Настроение безучастное, некоторое оскудение эмоциональной сферы налицо. Диагноз: какая-то шиза.

Кац Фира Аркадьевна:

Красотка, каких поискать. Глаза, как море и все такое. На контакт идет охотно, улыбается. В пространстве и времени ориентирована пиздец как хорошо. Запас знаний широкий. Говорит, что увлекается поэтами и художниками. Любит Рембрандта, Вермеера и каких-то еще, врачу неизвестных. Музыка предпочитает классическую. Один раз даже на балет ходила. Настроение приветливое, с любопытством относится к записям врача, пытается заглянуть в документ, интересуется своим состоянием, спрашивает о диагнозе. На вопрос о том, что ее беспокоит, отвечает: «Беспокоюсь о папе». Планы на будущее есть. Говорит, что когда полетит в Космос, будет смотреть искусство. Речь мягкая, сонная, часто зевает. Диагноз: девочка-умничка.

Толмачева Валентина Геннадьевна:

Агрессивная блонда. Во времени и пространстве ориентирована. Нарушение оборонительных инстинктов: обещает дать в морду врачу, «если не прекратишь этот цирк». Запас знаний так себе. Любимый философ – Макся. На контакт идет неохотно. Выражение лица обиженное. На слова «да ду-

ра ты, дура» кинулась кроссовками во врача. Положение тела напряженное, говорит, что готова к нападению. Увлечения есть, утверждает, что ей нравятся футболисты. На вопрос «какие?» не отвечает, говорит «отстань». Требует, чтобы врач перестал задавать ей вопросы. Потом решает на них не отвечать. Молчит. Ушла в дефект. Диагноз: здорова, как корова.

Доктор Борис Александрович Шиманов.

Дата:

Подпись:

Запись 6: Черновик письма для мамы

Дорогая моя мама, пишу тебе уже из палаты.

Как ты там, дома? Всё ли в порядке? Хорошо ли ведут себя соседи? Ты должна следить за товарищем Кузнецовым, есть уверенность, что с ним не все ладно, кроме того, он стал часто и не по делу (как мне кажется) посещать почту. Будь бдительной ради блага окружающих нас людей. Не упускай из виду деталей. К сожалению, я не могу помочь тебе в поддержании порядка. Не позволяй пользоваться нашей плитой без важной на то причины. Следи за тратой газа. Многого теперь остается на тебе, но я знаю, что ты справишься.

Ты была расстроена на вокзале, я это видел. Почему? Я ведь стал таким, каким ты хотела. Я один в доме мужчина, и мы с тобой давным-давно условились, что я в этой жизни буду делать особенные вещи и червь в голове мне ничуть не помешает. Ты теперь грустишь? Не грусти. Я себя сейчас очень хорошо чувствую. Мы скоро пойдем купаться в море.

Доехали, в целом, хорошо. Некоторые, не буду называть имен, всю ночь бесились. Я потом не мог заснуть. Смотрел в окно, видел рассвет. Было так серо, а потом быстро на все пролилось солнце. Из поезда рассвет очень красив. Ты, наверное, тоже была в поезде. Расскажи мне об этом, пожалуйста-

ста, мне хочется с тобой всем делиться.

Проспал всего полчаса или даже меньше, да и не проспал, а только с закрытыми глазами полежал. Проснулся от того, что все говорили о море. Сел, посмотрел в окно, и правда – море из окна видно, а это уже было девять часов утра.

Мама, это такое чудо! Всех море привело в восторг! К нам прибежали девочки, и даже Максим Сергеевич постоял и посмотрел. Поезд ехал и ехал, а море никак не кончалось. Здорово это, наверное, жить у моря! Так мне кажется.

А какое оно синее! Но и блестит очень-очень. Будто кто-то положил огромный кусок синего стекла. Когда так быстро едешь, волны не рассмотреть, но оно как бы рябит и мерцает. Мы открыли окно, и оказалось, что пахнет оно замечательно, песком и йодом и чем-то еще таким свежим-свежим, совсем хорошим.

Замечательно это – отдыхать на море.

Деревья все тоже изменились, появились кипарисы (во всяком случае, я так решил). И цвета все поменялись – стали суше, выбеленнее, у нас дома пейзажи нарисованы как будто гуашью, а тут – пастелью. Травы все как будто желтоватые, не летние, скорее похоже на осень. Ветер очень свежий, прохладный, но не холодный. И небо синее, какого я еще не видел. Это очень красиво, мама. Я бы так хотел, чтобы ты приехала и посмотрела. Видели с ребятами вдали корабль, он был совсем маленький и очень белый. С него, наверное, ловят рыбу, а может, он перевозит груз. Говорят, недалеко

от санатория стоит маяк. Может быть, мы его посмотрим.

Нам выдали завтрак, в том числе и печенья сахарные, твои любимые. Я хотел бы тебе отдать, но они совсем засохнут и испортятся, пока я вернусь.

Когда мы позавтракали, я еще немного поспал, а потом Максим Сергеевич сказал всем убрать постели и лично проверил результат. Андрюше досталось. У него потерялось полотенце.

Поезд опоздал на семь минут. Вокзал был маленький, желтый с рыжей полосой и с белой лепниной (орнаментальной), а в каждом кружке – красивая звезда. Совсем рядом с вокзалом начинались обычные дома панельного типа. Мне они показались старыми, но Андрюша сказал, что все выглядит старше из-за солнца и что сами мы быстро состаримся тут из-за солнца.

Хотя нас немного, собраться все равно оказалось проблемой: у Фиры на чемодане сломалось колесико, а Володя и Боря ушли покупать газировку. Максим Сергеевич очень ругался и сказал, что мы недисциплинированные и нас таких в Космос ни за что не возьмут. К счастью, именно я очень дисциплинированный.

Мы с Андрюшей долго стояли на жаре, Максим Сергеевич забыл выдать нам воду. Андрюша не взял панамку, я отдал ему свою. У него темные волосы, значит, ему голову напечет больше, так я рассудил.

Кроме того, ты всегда мне говорила, что следует делиться

с тем, кто нуждается. Так что я еще и отдал ему свое яблоко и свой огурец (снова). Солнце было очень большим и ярким, во всяком случае, мне так показалось.

Когда Максим Сергеевич все-таки дал нам воду, стало приятнее. В целом, мы довольно долго ждали, потому что Боря и Володя потом потерялись, а когда пришли, кажется, совсем стыда не испытывали. Они и пришли-то благодаря высокому профессионализму Володи, во всяком случае, он так говорит.

Максим Сергеевич нас ругал, говорил, что головы у нас червивые, и мы ничего не понимаем, и если не станем нормальными людьми, то никогда отсюда не выберемся.

Я его понимаю. Безответственное поведение провоцирует агрессию. Потом мы сели в маленький такой желтый автобус. Он рассчитан на куда большее количество людей, и я там почувствовал себя одиноко, хотя мы сели вместе с Андрюшей.

Ехать было комфортно, открыли все окна, дул ветер. Городок совсем маленький и очень хорошенький, от вокзала до санатория вовсе и недалеко, пешком дойти тоже можно быстро. Валю укачало, я дал ей конфеты, которые ты мне с собой положила, мятные. Ей полегчало.

Из окна я город еще особенно рассмотреть не успел, могу только сказать, что мне он понравился, но пока ничего конкретного, что можно описать для тебя.

Расскажу еще раз про санаторий: не волнуйся. Это очень хорошее место, им заведует Эдуард Андреевич Забелин. Я

уже видел его фото. Он очень импозантный мужчина с ясными глазами и большими бровями, выглядит, как актер из фильма, и совсем такой, как ты любишь. У него червь в голове, как и у нас, но это не помешало ему стать видным ученым. Он даже бывает в Космосе, единственный из тех, у кого червь не активирован, насколько я понимаю. Кроме того, он недавно защитил докторскую диссертацию. И наверное, знает о червях больше всех на свете.

В этом санатории два года назад лечился товарищ Шиманов. Вообще-то Эдуард Андреевич Забелин специализируется на лечении неврологических патологий и прочих нарушений, возникающих после активного использования сил червя.

Нам пока что рано об этом думать. Зато мы увидим настоящих героев! Эдуард Андреевич сумел многим помочь, улучшить качество жизни солдат и увеличить ее срок. На будущий год, так говорит Володя, товарищ Шиманов опять сюда поедет. Но еще Володя говорит, что товарищ Шиманов умирает. Он, конечно, и так прожил очень долго для человека с третьей стадией ксеноэнцефалита – почти пятнадцать лет. Это даже уникально.

Но мне все равно не хочется, чтобы он умирал. Он ведь такой герой. Надеюсь, Эдуард Андреевич ему поможет.

Я его еще не видел, но, когда увижу, обязательно с ним поговорю и спрошу про все, чтобы тебе написать и тебя успокоить. Процедуры, разработанные для нас, должны специаль-

но вызвать у нас ксеноэнцефалит и позволить нам управлять возможностями червя. Я думаю, руководство знает, что делает, а доктор Забелин разработал замечательную программу и тебе совсем не стоит за меня волноваться. В любом случае, процедуры начнутся не сразу, и сначала они будут совсем нечастые.

Максим Сергеевич сказал, что учиться нам вообще не придется, мы будем только отдыхать и делать процедуры. И еще он пообещал развлекательные мероприятия, хотя я не уверен, что он сможет их организовать один, и не очень представляю, какими они могут быть. Надеюсь, впрочем, что нам будут показывать патриотическое кино.

Вместе с этим письмом я вышлю тебе также адрес местного отделения КБП, просто на всякий случай, кроме того: местного отделения милиции и больницы.

Забыл написать, мы проезжали еще и кладбище. Все надгробия были почему-то белыми, а не серыми. Андрюша сказал, что это тоже от солнца. Южные кладбища не кажутся такими уж страшными и гнетущими, может быть, потому что выглядят непривычно.

После этого небольшого отступления сообщу, что мы быстро и без проблем доехали. Сам санаторий оказался очень красивым. Он за большими коваными воротами, входишь через них и идешь по длинной тенистой аллее, деревья большие и будто бы даже под собственными весом немного прогибаются. Пахнет ярко, сочно и незнакомо. Первые дере-

вья на пути оказались не кипарисы, а такие, каких я не знаю по названиям. Немного похожи на ивы, но не настолько печальные.

Дальше пошли уже кипарисы и стали видны корпуса. В санатории два корпуса и столовая. Два, как говорит Максим Сергеевич, это даже слишком много. По понятным причинам постояльцев совсем мало. В одном корпусе есть актовый зал, но я еще не разобрался, в каком. Может быть, даже в нашем. Корпуса друг от друга отделены садом. Много роз, и кусты все подстрижены, есть и другие всякие разные цветы в клумбах. Выглядит это аккуратно, но из-за того, что под солнцем жухнет вся трава, немножко и заброшенно, хотя впечатление это ложное.

За корпусами есть большое футбольное поле. Там сейчас никто не играет, но, наверное, играть будем мы. Максим Сергеевич так и сказал, что проведет нам игры. Я надеюсь, направление игр будет военно-патриотическое.

Для нас выделили весь второй корпус. А в первом корпусе живут герои, некоторые – вместе с семьями. Может быть, мы познакомимся и с другими детьми.

Перед корпусами стоят скамейки, они свежевыкрашенные, очень зеленые, поэтому их не сразу видно на фоне деревьев и кустов. Пока нас расселяли, мы долго ждали около нашего корпуса и я успел его хорошо рассмотреть.

Мне кажется, тебе бы тут очень понравилось. Корпус длинный, со множеством балконов, он облицован такими

странными, красивыми, гладкими камушками. Я бы не сказал, что балконы вполне отвечают технике безопасности, необходимой для юных искателей приключений, кои среди нас имеются.

Однако этажей всего четыре. Впрочем, расшибиться насмерть, наверное, возможно. Надеюсь, все будет хорошо. Балконы как будто идут сплошной верандой, отгорожены друг от друга они ненадежными, похожими на акулы плавники пластинами. Сам корпус песочного цвета, но с желтыми полосами. Над крышей имеется жестяной навес, видимо, от палящего солнца.

Именно от нашего корпуса идет широкая дорога в столовую, но мы там еще не были, как раз скоро пойдем, и, если честно, я уже очень голоден.

Как я уже упоминал, стояли мы долго, потом, наконец, Максим Сергеевич выделил нам палаты. Мне не совсем понятно промедление, ведь корпус предназначен для нас, и все было спланировано весьма задолго.

Зато палату нам выделили хорошую. Я, честно говоря, рассчитывал, что у нас будет палата на двоих с Андрюшей, это было бы логично. Однако я живу в номере 321, он рассчитан на четверых. Как ты понимаешь, это мне не слишком нравится, но поделаться ничего нельзя. Я уже подошел к Максиму Сергеевичу, изложил проблему, но он сказал, что я должен быть мужчиной, а быть мужчиной, значит, отважно сражаться с трудностями. Я с ним абсолютно согласен, так

что теперь мы с Андрюшей живем с Володей и Борей.

Палата не очень просторная, четыре кровати занимают почти все место. Зато очень высокие потолки, от этого все кажется таким светлым. Обои бежевые, немного поблескивают, но орнамент неопишум, какой-то растительный. Письменного стола нет, это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что он не вызовет конфликты. Плохо, потому что, опираясь на тумбочку, писать неудобно. Зато тумбочек четыре. У моей немного отходит дверца, не болтается на одной петле, но к тому близко. Однако я планирую ее починить. Гигиенические принадлежности и личные вещи в тумбочку влезают (там две полки).

Кстати, из прочих удобств есть библиотека! Это очень меня радует, потому что двух книг надолго мне не хватит.

Занавески очень красивые, белые, поверх них есть шторы, красно-коричневые. Шторы мы подвязали наверх, чтобы они не мешались, ведь столько света – это даже хорошо, а вставать мы будем рано, чтобы успевать много купаться.

Вполне чисто, хотя ковер (он лежит как раз между моей и Бориной кроватью) мне не нравится, мне кажется, он застарел, если только это нужное слово (и если оно существует).

Спим мы так: я у окна, Андрюша за мной, у двери, с другой стороны у окна Боря, а за ним у двери Володя. Андрюша боится спать у окна, а Володя уступил место у окна Боре, потому что Боре часто бывает душно.

Палата у нас хорошая. Девочки живут в другом конце ко-

ридора. Номер у них трехместный, и есть стол.

Я имею подозрения, что Максим Сергеевич не хотел нас сильно расселять, чтобы было легче поддерживать дисциплину. В таком случае я его полностью понимаю и ни капельки не осуждаю.

Сейчас мы пойдем обедать, расскажу тебе про столовую, но потом, потому что сейчас стремлюсь закончить это письмо. Что касается моря, мы обязательно пойдем на море после тихого часа, уже совсем скоро. Максим Сергеевич сказал, что спать не обязательно, но я обязательно посплю, если только никто не будет беситься (сама знаешь, о ком я).

Надеюсь, я рассказал обо всем весьма обстоятельно, и ты больше не волнуешься.

Мне не терпится увидеть море! Думаю, оно еще прекраснее, чем из окна поезда.

В ответном письме, пожалуйста, расскажи, как ты! Ответь на все вопросы, опиши, что происходит дома, расскажи мне, как Галечка!

До свиданья, мама.

Твой любящий сын,

Арлен!

Запись 7: Впечатления Андрюши о море

Море очень красивое.

Запись 8: О море

Не знаю, к кому обратиться, а не обращаться ни к кому будто бы странно. Может быть, какие-то части отсюда я использую в новом письме для мамы. Для людей будущего мои рассуждения о море не представляют ценности. Я это понял очень хорошо, когда увидел само море. Я по сравнению с ним такой маленький, совсем крошечный. А оно бесконечное. На самом деле, разумеется, не бесконечное, но кажется именно так, и я себя никак не могу убедить в том, что за горизонтом есть города, и жизнь, и все такое же, как и у нас.

У берега море почти зеленое, а на горизонте его гладь кажется черной.

Вдалеке, как огромные морские чудовища, стоят вышки, они добывают аврорум (примечание для людей будущего: это газ, он очень ценен, есть не только на нашей планете, но у нас был открыт впервые, и его много, такой газ используется в космической промышленности, но как именно, я не знаю).

Издали вышки выглядят очень странно, они похожи не только на чудовищ, еще – на корабли на ножках. Мне бы хотелось получше их рассмотреть, но это стратегический объект, и мы не поедем туда на экскурсию.

Еще есть корабли, они тоже очень далеко, и они белые. Боря говорит, что в море водится ксенобелуга, она похожа на белугу из книжек, но больше и злее. И что она убивает двести

человек в год. Я этому не верю, но Андриюшу, кажется, такая выдумка испугала.

Море – это не пустота. В море есть рыба, и газовые вышки вдали, и красивые корабли, и черная полоса горизонта, такая длинная, что всю ее нельзя увидеть, и красно-белые, похожие на конфеты буйки, и купальщики, которых довольно много, и медузы (не ядовитые).

Для меня море было некоей абстракцией, а теперь оно реально и очень конкретно. Вода – соленая, она холодная и как будто более липкая и плотная, чем обычная, пресная, в реке или озере. Когда высушаешь на солнце, остается как бы соляная пленочка на коже и кожу стягивает. Это и приятно и неприятно. Бегать по песку я уже приноровился, это весело, хотя меня часто заносит на поворотах. Много ракушек. Кто-то закапывает в песок сигаретные бычки!

Входить в море сначала ужасно холодно, все сводит, вплоть до зубов, здесь секрет в том, чтобы опуститься быстро, и тогда привыкаешь, и кажется уже, что даже тепло. Сверху солнце, оно большое и яркое, может легко напечь голову. Оно похоже на кружок, вырезанный в небе. То есть: небо – синяя бумага, а за ней – свет большой, красивой, мощной лампочки, его и видно через кружок.

Больше всего мне понравилось нырять. Правда, вода мутная от песка и глаза раскрывать больно, но все равно вслепую искать ракушки весело. Ракушки есть разные: и такие, как в книжках, и совсем особые – аврорианские, витые, мно-

горярусные, с несколькими жильцами.

Боря и Володя изобрели игру «в пятку». Довольно травматичная, на мой вкус, игра. Выбираешь противника, и цель в воде достать до его пятки рукой. Цель противника – достать до твоей пятки. Завязывается бой, иногда очень напряженный, с подныриваниями и прочим.

Девочки с нами поиграли. Валя очень много раз побеждала. А Фира, когда вылезла на берег, вдруг расплакалась из-за того, что теперь точно не расчешет свои волосы. Они и правда совсем запутались, ее красивые, густые волосы, а еще они такие черные, что после моря, мне показалось, покрылись белесой соляной пленкой.

Я оказался в пяточной игре неплох, потому что я довольно терпеливый и умею выжидать. Еще я могу надолго задерживать дыхание и оставаться под водой, а также я сильный. Один раз я перевернул под водой Володю.

Максим Сергеевич с нами в море не ходил, он оставался на лежаке и читал книжку, только иногда поглядывал, всё ли в порядке. Я такого не одобряю, ведь всегда (особенно во время игры в пятку) может произойти несчастный случай. С другой стороны, человек должен быть самостоятельным, чтобы соответствовать высоким идеалам, заданным справедливым обществом.

У Максима Сергеевича теперь появился еще красивый серебристый свисток, на солнце он все время блестит, даже ярче, чем Борин пистолет для забоя скота (он его спрятал

где-то в номере, я уверен). Максим Сергеевич в этот свисток свистнул, когда нам пришла пора выходить из моря. Я, конечно, сразу вышел и Андрюшу с собой захватил, потому что Андрюша легко простужается. Девочки вышли чуть погодя, а Боря и Володя до сих пор в воде, они играют.

Безответственное поведение.

Максим Сергеевич так и отдыхал на лежаке. Мы с Андрюшей расстелили полотенца рядом с ним.

Я спросил:

– Сходить за ними?

Максим Сергеевич пожал плечами и сказал:

– Человек свободен в главном, даже в условиях тотальной несвободы, он может делать выбор между наказанием и его отсутствием.

Я сказал:

– Хорошо.

Андрюша рисовал на песке. Он очень хорошо рисует, и сейчас у него получались ладные девочки, мальчики и виселицы.

Я сказал:

– Ты хочешь поиграть в казни?

Так мы с ним однажды подружились, я играл в казни, а Андрюша меня спросил, можно ли ему присоединиться. Мы стали уничтожать вредителей.

– Да, – сказал Андрюша. – Хочу.

У Максима Сергеевича в первые же полчаса весь нос об-

горел, теперь он отчаянно прикрывал его от солнца. Я вдруг посмотрел на свои руки и понял, что скучаю по этому ощущению: собирать и разбирать оружие.

Максим Сергеевич сказал:

– Жданов, ты же хочешь хорошую характеристику?

– Да, – сказал я. – Я готов трудиться на благо нашей великой Родины, чтобы ее заработать.

– Особо трудиться не надо, – сказал Максим Сергеевич, почесал нос и поморщился. – Послушай, ты ведь ребенок, так?

– Я будущий солдат.

– Но образно-то выражаясь, ты ребенок. Вернее нет, не образно – физиологически ты ребенок.

Андрюша поднял голову, посмотрел на Максима Сергеевича и сказал с неожиданным участием:

– Да, мы дети.

Светило яркое солнце, песок поблескивал.

Максим Сергеевич сказал:

– У меня есть идея книги. Я хотел узнать, понравится ли такое детям. Вот вы – дети. Давайте настройте свои детские умы на понимание моей глубокой мысли.

Максим Сергеевич помолчал, а потом добавил задумчиво:

– А может, никакой глубокой мысли тут нет.

Я не знал что ответить. Андрюша сделал своим девочкам и мальчиками глаза-ракушки. Максим Сергеевич сказал:

– В принципе, искусство, конечно, должно быть самоцен-

ным. Но если адресату будет совсем неинтересно, то какая же это книга? Это так, письмо самому себе.

– Я пишу письма самому себе, – сказал я. (Вот, например, я занимаюсь именно этим через некоторое время после нашего разговора.)

Максим Сергеевич вздохнул:

– Это потому что ты, Жданов, как личность мало кому интересен. Но это пройдет. Вот станешь героем, начнешь жонглировать своими внутренними органами, и все будут тебя страшно бояться.

– Я не хочу, чтобы меня боялись, – сказал я. – Мне хочется помогать людям.

– Ну, в мире не все выходит так, как мы хотим. Я вот хочу быть писателем. Арефьев, ты меня слушаешь?

– Слушаю, Максим Сергеевич, – сказал Андрюша и тоже вздохнул.

– Значит так, – Максим Сергеевич снова свистнул в свисток. Валя и Фира, собиравшие ракушки у кромки воды, оглянулись, а Боря и Володя даже не отреагировали.

– Не дети, – сказал Максим Сергеевич. – Уроды. Так вот, моя книга. Это будут приключения львенка.

– Львенка? – спросил я. – Почему львенка? Я – человек и хотел бы читать про приключения человека.

– Жданов, – сказал Максим Сергеевич. – Ты – не человек. Но очень похож.

Он сказал это вовсе не зло, но, кажется, сам себя немного

устыдился.

– Хорошо, – сказал он. – Это будут приключения львенка и червенка.

– Червенка?

– Червя? – спросил Андрюша.

– Не такого, как у тебя в голове, Арефьев. Просто червя. Червенка.

– Но я не понимаю, – сказал я.

– Они дружат, – продолжал Максим Сергеевич, глядя на море. – Львенок и червенок. Дружат, несмотря на то, что они очень разные. Им нелегко друг с другом, и иногда они друг друга не понимают. Например, львенок ходит на четырех ногах, а у червенка вообще нет ног.

С моря подул ветер, соленый, свежий, прохладный. Андрюша чихнул, я сказал:

– Закрывай рот, пожалуйста. И будь здоров.

А Максим Сергеевич продолжал:

– Львенок и червенок жили в маленьком городке, почти в поселке. Там жили и разные другие животные.

– Как такие разные животные могут жить в мире? – спросил я.

– А наступил коммунизм, – сказал Максим Сергеевич. – И лев больше не был врагом агнцу.

Я нахмурился. Я явно чего-то не понимал, но Максим Сергеевич объяснять не хотел.

– Так вот, львенок и червенок стали искать причины вся-

ких вещей. Почему мы чихаем? Откуда берутся наводнения? Куда скрывается солнце, когда мы его не видим?

– Разве в таком развитом мире, – сказал я, – при коммунизме, животные еще не знали этого?

– Нет, Жданов, – сказал Максим Сергеевич. – Они же животные.

– Тогда я совсем ничего не понимаю.

– Слушай дальше. Чтобы узнать причины появления всех вещей, львенок и червенок отправились в путешествие на край света. Туда, где, как говорят, можно было понять все законы мироздания. Там круги были по-настоящему круглыми, а треугольники треугольными. Ночи – темными, но не все, например, белые ночи были светлыми.

– Оттуда брались все вещи? – спросил Андрюша. – Но почему?

– Потому что я так придумал, вот почему, – сказал Максим Сергеевич. Я теперь совсем ничего не понимал.

– Так вот, – продолжал Максим Сергеевич. – Спустя много приключенческих глав, которые обязательно будут написаны, львенок и червенок добираются до горизонта и узнают, что они не могут дружить.

– Почему?

– Ну, знаете, потому что они львенок и червенок.

Андрюша сказал:

– Эта история очень грустная. И бессмысленная.

Я аккуратно ткнул его в бок, покачал головой и осторожно

добавил:

– Мне нравятся более логичные истории. И про войну.

– Это очень верно, – сказал Максим Сергеевич. – Более логичные истории. И про войну.

«И» он выделил как-то по-особому.

Я сказал:

– А почему все должно так плохо заканчиваться? Дружба – вечна.

– А вы с Арефьевым всегда будете друзьями?

– Да, – сказал я.

– А если окажется, что ты вырастешь львом, а он – червем? Или наоборот.

– Все равно, – сказал я. – Дружба – это что-то такое большое и серьезное. Нельзя дружить понарошку, понемножку, не насовсем.

– Запишу, – сказал Максим Сергеевич. – Но вы совсем ничего не понимаете в искусстве, глупые дети. Жизнь – это трагедия. Я так вовсе считаю, что лучше никогда не рождаться.

– Это упаднические настроения, – сказал я.

Светило солнце, песок блестел, Андрюша рисовал на нем свои недолговечные рисунки.

– Поди хорошо родиться с червем в голове и умереть молодым. Сколько там у тебя будет времени? Десять лет? Пятнадцать?

Я скажу честно, что не задумался ни на минуту. Я сказал:

– Это не важно. Важно, что есть что-то больше и лучше, чем я. Я за это умру, а значит, я проживу жизнь не просто так. Когда ты отдаешь, ты получаешь всегда намного больше.

Максим Сергеевич почему-то засмеялся и сказал:

– Обманули тебя, Жданов. Вообще-то говоря, в червивые времена ваши предки жили, как муравьи или пчелы. Это, наверное, у тебя оттуда. Идеи об общем благе, самоотречении.

Я сказал:

– Напишу на вас, куда следует.

– А у меня червя в голове нет, пиши куда угодно. Но так-то я, конечно, проверяю тебя. Мало ли ты какой неблагонадежный.

Я тут же подобрался, но не испугался совсем. Я сказал:

– Я очень верный. Я всем сердцем верю.

Максим Сергеевич снова свистнул в свой серебристый свисток. Боря с Володей наконец вышли.

– Вы свисток слышали? – спросил Максим Сергеевич.

– Нет, – сказал Боря. – А вы свистели?

– Надо же, – сказал Максим Сергеевич. – Не волшебный.

У Бори и Володи, у обоих, губы стали совсем синие от холода. А Валя нашла очень красивую ракушку – белую-белую, всю в полосках. Андрюша пообещал просверлить ей дырочку, и это почему-то вызвало неистовый приступ смеха у Володи и Бори.

Я, как ни старался, не смог найти в этом ничего смешного.

А сейчас мы пойдем опять купаться.

Запись 9: Жалоба

Останину Максиму Сергеевичу,
куратору первой пионерской группы планеты Аврора
от Жданова Арлена Георгиевича, пионера

Примерно в 16.30 мы с группой купались в море. Я решил совершить заплыв на дальнюю дистанцию (до косы). Для меня такой заплыв не составлял никакого труда, я плаваю довольно хорошо, и я выносливый. Довольно долго и сосредоточенно я плыл к своей цели, затем я услышал позади плеск.

По-видимому, я задумался, поэтому не понимал, что Шиманов Борис Александрович следует за мной.

Я подумал, что это Арефьев Андрей Романович, поэтому не забеспокоился. Я сказал преследователю, что не заметил присутствия попутчика, и ожидал услышать ответ друга, но вместо этого почувствовал давление на плечи. Я не успел вдохнуть достаточно воздуха и опустился под воду.

Мне стало очень страшно (не потому, что я трус, это был страх инстинктивный), я почувствовал, что задыхаюсь, очень испугался, но Б. А. Шиманов продолжал удерживать меня под водой. Место было довольно глубокое, и я попробовал подплыть под ним, чтобы освободиться, но не смог.

Мне вообще было сложно контролировать свои действия, в воде я запаниковал, и мне стало очень плохо. Б. А. Шима-

нов продолжал меня топить.

Я не знаю, чем я спровоцировал акт такой агрессии. Б. А. Шиманов часто ведет себя не по-товарищески, иногда нападает на меня без причины. Сегодня мы не ссорились, вернее, он конфликтовал со мной не больше обычного.

Акт бессмысленной агрессии продолжался довольно долго, в какой-то момент Б. А. Шиманов дал мне вырваться, чтобы я глотнул воздуха, а потом опять стал топить.

Так продолжалось некоторое время: когда я думал, что мне удалось вырваться, он снова меня топил. В конечном счете, я так сильно устал, что не смог продолжать бороться и у меня не осталось сил вырваться. Тогда Б. А. Шиманов вытащил меня из воды. Я не мог плыть к берегу, и он помог мне, но такая помощь не делает ему чести.

Я стал жертвой неспровоцированного нападения, мне неприятна подобная ситуация, и я требую принять меры в отношении Б. А. Шиманова как можно скорее.

Утверждаю, что у него случаются приступы немотивированной агрессии с самого детства (на которые я, кстати, неоднократно жаловался). По всей видимости, червь влияет на него дурно. Прошу рассмотреть вопрос о том, достоин ли он отправиться в Космос и достаточно ли покладистым характером обладает Б. А. Шиманов.

Также обращаю ваше внимание на то, что у Б. А. Шиманова хранится пистолет для забоя скота (пневматический пистолет с выдвигающимся ударным стержнем).

Еще раз настоятельно требую принять в отношении
Б. А. Шиманова какие-нибудь меры.

С уважением,

А. Г. Жданов.

Дата. Подпись

Запись 10: Все разы, когда меня обидел Боря

Меня даже стошнило, и в желудке оказалось столько воды, меня никогда так не тошнило. И потом долго были спазмы в груди, и я не мог вдохнуть, мне становилось больно. Я совсем устал и сейчас чувствую себя уставшим, лежу в номере и смотрю в потолок. Мы с Андрюшей уже поговорили, я пожаловался ему, и теперь мне стыдно еще за это.

Андрюша сказал, что у Бори в любой компании одно стремление: просчитать, кто слабее, а кто сильнее, и что он – существо в высшей степени иерархичное. И что такие люди везде будут строить тюрьму, и будут стараться в этой тюрьме стать надзирателями.

Меня это не успокоило, а только расстроило. Я расстроился за себя: как же так? Я расстроился из-за того, что кто-то может так видеть мир.

Мне кажется, ни с кем нельзя обращаться подобным образом. Еще я растерялся, потому что осознал в какой-то момент, что не могу понять, откуда у нас с Борей такая вражда. Мне уже стало казаться, что так было всегда, но у всего должна иметься причина, как я считаю.

Поэтому я решил вспомнить те случаи наших конфликтов, которые меня сильно задели.

1. Нам было по семь, когда мы только начали вместе учиться. Боря с самого начала показался мне очень шумным мальчиком, он все время привлекал к себе внимание, громко смеялся, демонстрировал антиобщественное поведение и этим гордился. Это был плохой ребенок, как говорит Андриюшина мама: оторви и брось. Мы с ним оба тогда не очень-то хорошо успевали, честно говоря (хотя стыдно в этом признаваться), но Боря всегда вел себя так, словно он лучше всех. Наверное, я ему завидовал, потому что мне было тяжело и я понимал, что мне тяжело.

Однажды я заметил, что он списывает контрольную по истории, мы тогда почему-то сидели рядом, может, нас так посадили, не помню. Это меня очень разозлило, и я сказал учительнице. Боря только пожал плечами, словно двойка его вообще не волнует. Я совершенно забыл об этом эпизоде. На прогулке мы с Андриюшей стали играть в казни. Я ему объяснял, что дезертир – самый страшный преступник. Потому что даже если у тебя нет рук и ног, врага надо рвать зубами. Я был очень увлечен игрой, а потом на прогулку вышел Боря (еще помню, стояла осень, листьев намело), его задержали после урока. Он был злой, щеки у него горели. Он меня неприлично обозвал и кинулся драться. Мы долго дрались, а потом он меня чуть не задушил ружейным ремнем. Он накинул его мне на шею и перетянул шлейки крест-накрест, и я чувствовал себя норовистой лошадейю, которую вот так взнуздали. Я помню, он сидел позади меня, а я дергался, сапогами возил

по асфальту, листья разлетались, мне пришлось как можно сильнее откинуться назад, и я даже чувствовал его дыхание.

А потом все как-то погасло, но дальше случилось то, чем я горжусь. Когда я очнулся, он звал меня по фамилии, наклонился надо мной, испугался. А я знаю, что дезертир – худший преступник. Как только я увидел его очертания (все было в черных пятнах), то сразу вцепился зубами в его шею. Меня тогда оттащил Володя. У Бори до сих пор шрам, а у меня весь рот был в крови.

А потом оказалось, что Боря еще и дал сапогом в нос Андриюше, как-то где-то в ходе этой истории.

2. Он все время кидает в меня камушками. Сколько раз это было – не счесть!

3. Однажды он выплюнул жвачку мне в глаз.

4. Я пытался отобрать у него сигарету, и он прижег мне руку, ожог и сейчас сошел не до конца!

5. И так далее и тому подобное. Теперь, когда я начал перечислять все эти вещи, кажется, что их бесконечное множество, и всегда он меня достает.

Для того чтобы отразить ситуацию объективно, в этот список дополнительными пунктами будут внесены и мои собственные действия, которые когда-либо наносили ущерб Боре.

1. Однажды, когда мы тренировались в технике допроса, я воткнул острый грифель карандаша ему в десну, потому что нам разрешалось применять легкие пытки. Если бы нам

разрешилось применять более интенсивное физическое воздействие, я бы так и сделал. Но я всегда следую технике безопасности.

И все-таки я не понимаю, как так вышло. Ужасное ощущение, будто задал себе задачу, а она никак не решается. Я об этом думаю, и мне все время вспоминается, как меня тошнило водой, как это было противно и больно. А если подойти к делу с другой стороны? Может быть, Боря боится, что у него ничего не выйдет с ксеноэнцефалитом и он сойдет с ума. Может, он боится не быть лучшим из нас и старательно себя убеждает в том, что я гораздо слабее и никчемнее.

И тогда получается, что Боря не такой уж и плохой. Он, наверное, тревожится.

Какая успокаивающая мысль!

Запись 11: Бесценное мнение

Потому что ты обсосок, вот почему. Все куда проще, не забивай свою тупую головушку, бедняжка. «Ай-ай-ай, меня обижают мальчики». Не забудь только отрастить косички, как у Фирочки, и обязательно вплети красивые бантики, тогда мальчики перестанут быть такими грубыми и будут только совать тебе за пазуху лягушечек.

Чао!

Запись 12: Ночное беспокойство

По поводу прошедшей ночи необходимо отметить несколько вещей. Во-первых, я снова очень мало спал. После отбоя Максим Сергеевич ничего не контролировал, и началось. Во-первых, Боря курил на балконе, а Володя его покрывал. Я сегодня обязательно расскажу об этом Максиму Сергеевичу. Во-вторых, позже Володя вообще ушел, сказав, что у него запланирована «встреча». На все расспросы отвечал уклончиво, вернее, почти ничего не прояснял. Боря сказал, что у Володи свидание. Это грубо нарушает правила, но я был слишком уставшим, чтобы как-то решить эту проблему, да и не обладал достаточными полномочиями.

Потом Боря вроде как лег спать, и мы говорили с Андрюшей. Андрюша жаловался на боли в мышцах. Я сказал, что такое бывает из-за нервных перегрузок. Я перевернулся, заглянул под его кровать и увидел там полотенце из набора белья, который выдали нам в поезде.

Я страшно удивился, и мне не хотелось в это верить.

Я спросил Андрюшу:

– Зачем ты это сделал? Ты ведь украл.

Андрюша сказал:

– Не знаю. Просто мне захотелось, чтобы у меня было такое полотенце. На память.

Он говорил ровным, ничего не выражавшим тоном, будто

озвучивал заданный текст. Мне стало грустно. Я сказал:

– Ты – большая умница. Я думаю, ты очень сильно нервничаешь из-за того, что будет.

– Да, – сказал Андрюша.

– Но полотенце надо вернуть на вокзал.

– Да, – сказал Андрюша.

– И сдать в поезд.

– Да, – сказал Андрюша.

– Потому что это наша социалистическая собственность.

И он, конечно, еще раз сказал:

– Да.

А я разволновался. Мой лучший друг – и ворует. И такую вещь – полотенце. Я бы разозлился, если бы Андрюша воровал то, что могло бы ему по-настоящему пригодиться. А своровать полотенце – это так беспомощно. Я стал думать, как бы мне ему помочь, какие найти верные слова, как успокоить его и убедить в том, что все будет хорошо, потому что когда человеку плохо, тогда он и занимается всякими антиобщественными делами. Мне хотелось найти нужные слова.

Андрюша не спал, он смотрел в потолок.

Я сказал:

– Ты боишься сейчас, потому что все будет новое. Но ничего страшного нет, потому что все тяжелые вещи произойдут с тобой совсем не просто так. Ты будешь частью чего-то великого. Тебе не будет страшно умирать. Я читал в одной книжке, что умирать страшно тем, кто жалеет о прожитой

жизни. Тогда хочется что-то исправить, переиграть. А если ты будешь героем, то тебе не будет хотеться ничего исправлять. Жить надо так, Андрюша, чтобы не захотеть изменить ни дня.

– Ты всегда так хорошо говоришь, Арлен, – сказал мне Андрюша. Он и не пошевелился толком, и губами двигал едва заметно.

– Но ты боишься?

– Я боюсь. Я всего всегда боюсь. А мы пойдем завтра откапывать майских жуков? Они уже закопались?

– Нельзя их откапывать, – сказал я. – Они там делают детей, это очень ответственное дело.

– Жуки мне нравятся. А вдруг на других планетах их нет?

– Но ты же вернешься на Аврору.

– Умирать.

– На пенсию, а еще в отпуск, что будет не так уж редко, – сказал я. – Но ты ведь не просто так это выбрал.

Андрюша перевернулся набок, посмотрел на меня, и мне показалось, будто он хочет что-то сказать, но вот никак не может решиться.

– Смелее! – сказал я, прижав руку к сердцу. – Ты мне можешь во всем довериться, ты же мой товарищ.

– Да «еб твою мать», Жданов, твое бедное коммунистическое сердечко не выдержит, если дрочер скажет правду!

Наверное, мы разбудили Борю.

– Господи боже мой, Борис Шиманов в стране удивитель-

ных лошар.

– Бога нет, – сказал я.

– Да «отъебись» ты! В общем, дрочер сюда сам попросился, чтобы убивать людей. Не чтоб его родителям жилплощадь расширили, не чтоб много денег получить, не чтоб то, не чтоб се, а просто ему хотелось убивать как можно больше людей, и чтоб ему за это ничего не было.

– Большой чуши я в своей жизни не слышал!

Боря громко засмеялся, заблестели в темноте его зубы.

– В общем, дрочер, скажи, если б ты знал, что завтра тебе отхреначат башку к чертовой матери, ты бы как провел свой последний день?

– Я бы гулял и читал книжку.

Но Боря ни в чем никогда нельзя переубедить.

– Ну да-да-да. А на самом деле ты бы нас всех убил? А?

– Да, – сказал Андрюша очень печально и просто. Это была шутка Володи и Бори, давняя и обидная, про то, что Андрюша – потенциальный маньяк-убийца. Здесь сошлось несколько факторов:

1) Андрюша – Андрей Романович, как известный серийный убийца земных времен.

2) Андрюша странный, он любит за всеми подглядывать, у него есть дурные и чудаковатые привычки, и он много фантазирует.

3) Однажды он случайно выстрелил в Фиру. Все, к счастью, обошлось, пуля только поцарапала ей руку, но Володя

и Боря (и, мне кажется, сама Фира) были уверены в том, что Андрюша сделал так специально.

Сначала он, мне кажется, обижался на эти шутки, а теперь принимает их послушно, и совсем привык, и даже сам как будто комедианствует на эту тему в своей странной манере. Я таких шуток не одобряю и считаю их обидными. Я так Боре и сказал.

А Боря ответил:

– Глаза разуй. Дрочер собирается резать межгалактических проституток, сто пудов.

– Что?

– В межгалактических борделях.

«Межгалактический» – его любимое слово, хотя люди еще даже не освоили соседние Галактики.

– Жаль, что мы разбудили Борю, – сказал Андрюша.

А Боря принялся рыться под наволочкой, вытащил пачку сигарет и пошел на балкон. Я, конечно, выбежал за ним. Было холодно, и ветер дул, и так темно, и так звездно. Красный огонек Бориной сигареты мерцал, то он угасал, то вспыхивал вновь.

Я сказал:

– Брось эту гадость и веди себя прилично! Твои пустые способы самоутвердиться позорят честь пионера!

Боря мне сказал:

– А ты отбери!

И я попытался, и он снова, как и месяц назад, ткнул сига-

ретой мне в руку, ловко, прямо в то же самое место. Я разлился не на шутку: сегодняшней морской эпизод, и ожог, и обидная запись в этой тетрадке, все меня будто ослепило. Я кинулся на него, а его на месте уже не было. Клянусь, я совсем теперь не хотел спать, у меня даже зубы скрипели от злости.

А Боря легко вскочил на парапет балкона, уселся лицом ко мне.

– Давай-давай, – сказал он, сделал пустую затяжку (сигарета потухла, когда он меня обжег), а потом щелчком отправил окурок вниз.

– Беги, пожалуйста Максе, – сказал Боря, а потом откинулся назад, раз – и он висит вниз головой. Я страшно испугался, а Боря засмеялся. Он сказал:

– Дрочер трусит, а ты – скучная зануда, девчонок не считаем. Володя ничего, но лучше всех все равно я. Я просто огонь! Когда я отправлюсь в Космос, стану межгалактической звездой. Буду зажигать по полной и умру героем. Не хочу подохнуть беспонтово. Хочу умереть красиво, я буду таким красивым, когда я умру!

– Если ты это не прекратишь, то умрешь сейчас, – сказал я.

– Ну, – сказал Боря. – А я готов.

Голос его казался гнусавым из-за того, что он висел вниз головой.

– Я готов умереть, – сказал он. – Ну просто в любой

момент. По любой самой незначительной причине. Хочешь расскажу прикол?

– Что? Не надо мне ничего рассказывать, слезай.

Я стоял босой, ногам было холодно, и ночной ветер жег между пальцами.

– Значит так, если б батя скопытился раньше и меня б сюда не отдали, я б пошел в психологи или в психиатры. И мне б когда-нибудь сказали сделать доклад, «заебатый» такой доклад. И я бы взял такую тему: предикторы суицида.

– Кто суицида? – спросил Андрюша. Он стоял рядом со мной, а я и не заметил его сразу. Андрюша тоже был босой, и пальцы у него на ногах покраснели.

– Предвестники, – сказал Боря. – Предвестники суицида. Я бы прочитал длинный доклад: как это, понять, что кто-то хочет себя мочкануть. А потом знаете, знаете, знаете, что бы я сделал?

– Нет, – сказал я.

– Я бы достал пушку и выстрелил себе в висок.

Я сказал:

– Не смешно.

– Но смешно же!

Мне было страшно к нему подойти, и я боялся, что он сиганет вниз.

– Если так идти по балконам, – сказал Боря, – можно и до девчонок добраться. Но Максе все равно «по хуям». А знаете почему ему «по хуям»? Он нас жалеет.

– Глуposti, – сказал я. – Во Вселенной множество людей куда несчастнее, им нужна наша помощь.

– А то! Голова так кружится, кружится, кружится!

Я испугался, сделал шаг к нему, и меня посетила страшная и постыдная мысль: если Боря свалится, больше не будет ничего такого ужасного и унижительного. А Боря – сам виноват. Мысль эта меня испугала и расстроила.

Боря засмеялся, будто знал, о чем я думаю, а потом сделал очень страшную вещь – отцепил одну руку от перил.

– Помоги мне, – сказал он.

Поступать по-товарищески необходимо даже тогда, когда это сложно. И ценнее всего так поступать именно тогда, когда это сложно. Я крепко схватил его за одну руку, за вторую и помог подняться. Потом ладони у меня еще долго пахли чем-то металлическим, железный запах перешел с Бориных рук на мои.

Боря сказал:

– Ну, счастливо оставаться, стукач и «дрочер», до свиданья, господа, и удачи вам во всем!

– Не господа, – сказал я. – А товарищи.

– Ну товарищи.

Мы с Андрюшей еще некоторое время стояли на балконе. Я совсем-совсем замерз, но почему-то не мог заставить себя вернуться в комнату. Мне больше не хотелось спать. Я видел звезды и знал, что люди умеют летать, я тоже хотел летать.

Звездное небо казалось низким, отчетливым и ярким, как

картинка.

Андрюша стоял рядом со мной. Он вдруг сказал:

– Тебе не нравится, когда тебе причиняют боль?

Вопрос такой странный. Я сказал:

– Нет.

– Понятно, – сказал Андрюша. – Если бы Боря упал, наверное, его мозги вытекли бы на асфальт.

– Наверное, – сказал я.

– Пойдем спать, Арлен. Мы с тобой совсем устали.

– Ладно, – сказал я, хотя спать мне не хотелось.

Я взял Андрюшу за рукав пижамной рубашки и потянул за собой в комнату.

Очень замерз, никак не мог отогреться. Потом пришел Володя, и они о чем-то шептались с Борей, а я думал: если бы я не подал ему руку, как бы я жил тогда дальше? Хуже нет – предать товарища, даже если тебе товарищ и не нравится-то вовсе.

Я не мог разобраться, о чем они там шепчутся. Блеснуло по векам светом, и Володя сказал отчетливей:

– Во, смотрите, тут к кому-то черная машина приехала!

– Значит, кто-то «шизобнулся», – сказал Боря.

– А если б батяня неудачно «шизобнулся», нас бы с тобой не было.

Так они разговаривали о черных машинах, которые приезжают ночью за теми, у кого долго держится очень высокая температура.

Есть, конечно, и другие виды врагов и вредителей. Все вредители одинаково вредны.

Я заснул не сразу, но все-таки заснул.

Снился мне случай, который со мной в самом деле произошел, однако сон вышел еще более тревожный, чем сам тот случай. Это случилось на праздновании дня рождения Володи год назад. Мы сидели за столом с ребятами, я чувствовал себя некомфортно, а Андрюша – еще более некомфортно, чем я. Фира показывала нам красивые открытки. Товарищ Шиманов зашел нас проверить.

– Веселимся, молодежь? – спросил он.

Так мне все это и снилось, как было на самом деле.

Товарищ Шиманов сел за стол, засмеялся, отрезал себе кусок торта. Шиманов был пугающим и обаятельным.

– Водку вам вроде бы рано, – сказал он. – Или ты взрослый уже, Володь?

Товарищ Шиманов плеснул в Володин стакан газировки, отпил, поставил. Потом кровь потекла у него из носа. Кровь потекла, а он не обратил внимания. Лимонад стал розовым, и он его выпил. Все лицо было в крови, но мы почему-то ничего ему не сказали.

Тогда я понял, что он умирает.

А во сне я понял, что тоже так умру.

Вот какой тревожный мне приснился сон. А проснулся я оттого, что меня куда-то несут. Боря и Володя швырнули меня в комнату к девочкам. Все могло бы быть ужасно, но де-

вочки уже не спали. Я быстро вскочил с пола, отряхнулся, сказал:

– Доброе утро!

И принялся колотить в дверь.

– Выпусти меня! Выпусти меня отсюда!

Но дверь не поддавалась.

– Это что же, Арленчик, с нами так страшно? – спросила Фира. Она расчесывала свои густые, темные волосы. Но сколько бы Фира ни расчесывала их, они никогда не становились гладкими.

«Когда-нибудь, – говорила Фира, – я совсем перестану это делать».

Валя завязывала шнурки на ботинках.

– Не обращай на них внимания, – сказала Валя. – Будешь паниковать, они и вовсе не отстанут.

Я вздохнул, развернулся и прислонился к двери. В комнате девочек пахло шампунем и было светло-светло.

Через пять минут меня выпустили, и Максим Сергеевич повел нас на зарядку, а теперь мы уже скоро пойдем на завтрак.

Очень мне хочется бутерброд с маслом.

Запись 13: Про Эдуарда Андреевича – маме

Дорогая мамочка, еще я, конечно, не получил от тебя письма, но уже начал писать следующее.

Здесь столько впечатлений, и я ими всеми хочу поделиться!

Обязательно пиши мне, отвечай на все письма и рассказывай, как ты. Надеюсь, ты со всем справляешься. Тебе, может быть, одиноко, но ты думай обо мне, думай о том, что мы с тобой пока на одной планете и небо видим одинаковое.

В одной книжке я читал, как папа и дочка вместе смотрели на одну звезду, хотя были далеко друг от друга. Давай тоже вместе по вечерам смотреть на одну звезду. Выбирай на какую. У меня на верхней полке, слева третий, стоит астрономический справочник. Там посмотри на карту ночного неба, выбери звезду, которая понравится тебе, а я тоже найду карту. Я сверюсь, и мы станем друг к другу ближе.

Что касается твоей печали, она скоро развеется, я думаю.

Когда тебе становится печально, вспомни, что на многих планетах люди пока несчастны. А наша порода наделена большой силой, и мы можем приблизить тот мир, о котором сейчас люди только мечтают, которого они еще не могут достигнуть.

Думай о людях, которые живут впроголодь или страдают от войн, которых эксплуатируют, продают, покупают. В наших силах положить конец долгой войне и отказываться от этого – преступно.

Уверен, ты меня в этом поддержишь!

Я повесил над своей кроватью плакат, мой любимый.

Пионер! Ты за все в ответе!

Этот плакат меня всегда очень вдохновлял, и теперь тоже вдохновляет.

Еще вдохновляет море! Чудесное, чудесное море! А по вечерам, наверное, будут показывать кино.

Но я тебе спешу рассказать о самом главном, мы сегодня после завтрака (поэтому на море пойдем позже) встречались с Эдуардом Андреевичем, я тебе о нем уже немного рассказывал – директор санатория, главный врач.

Человек он престранный. Но сначала расскажу о завтраке, потому что ты, наверное, волнуешься о том, как я тут питаюсь.

Питание организовано на высшем уровне. Четырехразовое плюс кефир с вареньем вечером. Все очень вкусно, так что не переживай. Даже Андрюша ест, хотя и не очень охотно. Я бы ему говорил, что, если не будет есть, не вырастет, но он и так очень высокий. Мне кажется, он даже по каким-то своим причинам боится еще вырасти.

Мне больше всего нравится рисовая каша с молоком. И вообще молока дают много, а я его люблю, так что я радуюсь.

Все очень свежее – достижения нашей сельскохозяйственной промышленности, которыми можно гордиться.

Около столовой еще растут очень красивые кипарисы, их много, и мне кажется, кое-кто прячется за ними и курит. Во всяком случае, сегодня я слышал такую фразу: по закону Архимеда после сытного обеда, чтобы жиром не заплыть, надо срочно покурить.

Насколько я знаю, она весьма древняя (но, разумеется, не времен самого Архимеда).

Впрочем, на кипарисы я отвлекся изрядно и сделал это зря. Сидим мы все за одним столом, а Максим Сергеевич за соседним. Он все время пьет компот и жалуется. Сегодня на завтрак была манная каша, совсем не такая, какую делаешь ты, мне тоже понравилась, но я как-то сильнее ощутил, что скучаю по дому.

После завтрака мы пошли в холл первого корпуса. Там диваны с красными розами и люстры с красивыми плафонами. Я предпочитаю, чтобы интерьер был более аскетичным, но девочкам диваны понравились. Розы – яркие. А еще есть цветы в кадках, не знаю их названия, высокие, зеленые, с персиковыми бутонами. Нам сказали, что скоро они зацветут и будут издавать очень приятный аромат.

Максим Сергеевич сказал, что сам директор санатория хочет с нами поговорить. Я говорю директор, но на самом деле Эдуард Андреевич и врач, и управляющий. Очень способный человек, надо думать.

Он немного опоздал, но никто на него не обиделся, кроме Бори, впрочем, Боря всегда всем недоволен.

Я все не могу перестать удивляться: и зачем Эдуарду Андреевичу с нами встречаться заранее? У него, наверное, очень много дел, занятой человек, серьезный профессионал. Тем более, мы ведь все равно бы встретились и познакомились. Почему он все-таки хотел нас увидеть? Как думаешь ты? Если у тебя есть ответ на этот вопрос, пожалуйста, обязательно мне напиши.

Повторю еще раз: Эдуард Андреевич тебе бы очень понравился. Он появился перед нами в аккуратном летнем костюме, его ботинки были начищены до блеска, волосы тщательно уложены, а лицо выражало уверенность и дружелюбие.

Мне кажется, Максим Сергеевич достаточно небрежный, сразу же как-то расстроился, позавидовал его виду.

Эдуард Андреевич говорил глубоким, красивым голосом, как эстрадный певец перед концертом. Он сразу сказал, что очень рад нас всех видеть и что слышал о нас много хорошего, какие мы старательные и талантливые, и что наше пребывание здесь может открыть путь за пределы Авроры для многих соотечественников, а также существенно повлиять на геополитическое положение, заложниками которого мы все оказались.

Последняя фраза мне не очень понравилась, в ней не хватило мне какой-то справедливости.

Еще Эдуард Андреевич сказал, что знает, что такое с на-

ми произойдет впервые и как мы волнуемся. Мы, конечно, это подтвердили. Тогда Эдуард Андреевич сказал, что наши страхи не совсем оправданны.

По его словам, раньше, в червивые времена (он оказался еще и историком – ну просто человек эпохи Возрождения!) наши предки умели пробуждать свои способности не случайным образом, а особенными ритуалами.

Я знаю, что эти ритуалы были болезненными. Меня не нужно оберегать от этого знания. Но он почему-то оберегал. Он сказал, что ритуалы были сложными.

Я сидел, слушал и кивал. Мы очень мало знаем о нашей истории, потому что она мерзкая, и отсталая, и проклятая. Мне стыдно, что я заинтересовался, но я заинтересовался.

Эдуард Андреевич сказал, что мы сейчас в самом подходящем возрасте. У нас еще в достаточной степени гибкие разумы, но в то же время мы вполне окрепли. В этом возрасте наши предки снимали золотые амулеты, знаки детства, и учились пользоваться тем, что предлагал червь.

Так что, по мнению Эдуарда Андреевича, технология, которую на нас испытывают, не новая, но весьма улучшенная, куда более безопасная, гуманная и контролируемая.

Эти слова, признаться честно, меня успокоили. Я очень верю в передовые достижения нашей науки.

Мы сидели и слушали, я старался быть очень внимательным и выглядеть очень внимательным. Мне хотелось, чтобы Эдуард Андреевич видел, как я успокаиваюсь от его слов.

Он вовсе не выглядел так, как будто ему будет тяжело подвергать нас процедурам. Он выглядел спокойным и уверенным. Включил вентилятор, поводит рукой около лопастей, сказал, что в первую очередь нам необходимо понять, что червь – неотъемлемая часть нас. Он нас заверил в том, что червя бояться не нужно и что мы испытаем то, что наш подвид и должен испытывать, – метаморфозы.

Какое слово красивое, правда?

Гусеницы становятся бабочками, и это нормально, это часть истории одного существа. Я посмотрел на Андрюшу, а Андрюша, как оказалось, тоже очень внимательно слушал, хотя обычно он витает в облаках.

Боря и Володя выглядели напряженными, Фира улыбалась, Валя хмурилась. Каждый из нас думал о чем-то своем.

Эдуард Андреевич сказал, что гусенице очень страшно становиться бабочкой, но такова ее судьба, биологическое предназначение, и гусеницы, которые умирают гусеницами, никогда не узнают ничего о полетах и не используют весь доступный им опыт.

И хотя некоторые бабочки живут всего один день, взамен они получают всю полноту предназначенной им жизни.

Это была очень хорошая и красивая речь.

Я знал, что боль и смерть – естественные вещи и что все через это пройдет, но Эдуард Андреевич сказал обо всем так красиво, и стало менее страшно, я даже почувствовал гордость, ведь «метаморфозы» и правда замечательное слово.

Он очень мягко с нами говорил, и еще как будто жалел нас, а когда к живому существу относишься с сочувствием, оно к тебе так и тянется, я это знаю по бездомным собакам и кошкам.

Потом он рассказал, в чем будут заключаться процедуры. Я не буду тебе расписывать, вдруг это неприятно. Для того чтобы червь перешел в следующую стадию развития, необходимо испытать сильную боль. Поэтому часто ксеноэнцефалитом заболевают те, кто получил сильные травмы или пережил что-то чудовищное в психологическом смысле.

Эдуард Андреевич сказал, что все процедуры будут отрегулированы так, чтобы не вызвать слишком быстрые изменения и мы вовсе не станем неуправляемыми монстрами и не впадем в бешенство.

Еще Эдуард Андреевич сказал, что, хотя мы, в определенном смысле, склонны к насилию изначально, это все равно всегда вопрос выбора. Он сказал: если это не вопрос выбора, так почему один убивает детей, а другой расстреливает коллег на работе, третий же просто становится холоднее и жестче, четвертый устраивает террористический ад, пятый колотит жену.

Слова Эдуарда Андреевича показались мне странными. Я думал, мы злы по своей природе и с этим ничего не поделаешь. Я посмотрел на Максима Сергеевича, но Максим Сергеевич сидел с абсолютно каменным лицом, по нему нельзя было понять, стóбит ли с таким соглашаться.

Эдуард Андреевич сказал, что мы всегда сможем делать выбор. Просто это будет сложнее.

Ты сама прекрасно знаешь, что я боюсь стать злым. Боре, например, бояться нечего – он злой и без того. А я – боюсь. Я хочу быть хорошим и помогать людям, как же я буду им помогать, если мне будет нравиться, что они страдают.

Но Эдуард Андреевич сказал, что все индивидуально, как отпечатки пальцев, и мы не перестанем быть самими собой.

Фира потом вспомнила поговорку: где тонко, там и рвется. Мне это показалось очень верным. Жестокость – вода, она может вползти в тебя, если в тебе есть трещины. Как ты считаешь, во мне есть трещины? Обязательно ответь на этот вопрос в своем письме.

Когда Эдуард Андреевич закончил говорить, сердце у меня билось очень часто от волнения, от радости и от страха. Я испытал много чувств одновременно и совсем запутался.

Но мне показалось, он хороший человек. Во всяком случае, он хорошо говорит и такой аккуратный.

Как ты знаешь, я обычно стараюсь задавать самые разные вопросы, чтобы учитель понял, как я заинтересован в предмете. Однако я не нашелся, мне нечего было сказать. Эдуард Андреевич терпеливо ждал. Наконец Фира спросила его, можно ли ей также походить на кварцевание, потому что у нее аденоиды и ее папа попросил, чтобы ей кварцевали нос.

Эдуард Андреевич сказал, что с кварцеванием не будет никаких проблем, а еще можно делать и другие вещи: напри-

мер, пить фиточай, кислородный коктейль, ходить в соляную комнату и на ингаляции. Я подумаю, что из этого мне нужно, ты тоже напиши свои рекомендации.

Потом по лестнице спустился очень мрачный мужчина. У него сильно дрожали руки, и я понял, что он – солдат, поэтому сразу рассмотрел его внимательно. Он был одет во все черное, думаю, он вдовец. И такой бледный, такой до странности чистый и аккуратный, что вдруг напомнил мне персонажа рассказов Эдгара Алана По! Казалось, когда он выйдет во двор, на плечо ему обязательно сядет ворон.

Эдуард Андреевич махнул мужчине рукой, и тот кивнул, вроде бы ничего необычного, просто постоялец, но так как я смотрел очень внимательно, то заметил, что взгляд у мужчины сочувствующий. Я, правда, не понял, кому он сочувствовал: нам или Эдуарду Андреевичу.

Значит, он что-то знал, и, наверное, они с Эдуардом Андреевичем друзья. Надо все выяснить и всегда учитывать, что Эдуард Андреевич говорил вещи неоднозначные.

Когда мужчина ушел, Эдуард Андреевич рассказал еще об удобствах лагеря, библиотеке и обо всем таком, а также посоветовал Максиму Сергеевичу сводить нас вечером в город на набережную. Максим Сергеевич фыркнул, а потом вежливо (насколько это возможно) попрощался. Он назвал нас орлами и сказал, что пора на море.

Знаешь, на что это похоже? Когда мама все время заботится о своем ребенке, а потом приезжает папа, который с

ними не живет, и папа похож на праздник. Это не мое сравнение, это сказала Валя.

А сейчас я уже собираюсь на море, письмо это после моря перепишу на чистовик и отправлю вечером уже сам, когда пойдем в город.

Еще думаю написать письмо Галечке, она ведь уже кое-что читает, и ей на следующий год в школу – надо тренироваться.

Пиши мне скорее.

Твой любящий сын,

Арлен.

Запись 14: Дорогая Галечка

ЗДРАВСТВУЙ, ГАЛЕЧКА! КАК ТВОИ ДЕЛА? У МЕНЯ ВСЕ ОЧЕНЬ ХОРОШО, Я НА МОРЕ! ПОШЛЮ ТЕБЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ РИСУНКИ МОЕГО ДРУГА АНДРЮШИ, ЧТОБЫ ТЫ ЗНАЛА, ЧТО ТАКОЕ МОРЕ. ТЫ УЖЕ НАВЕРНОЕ ЧИТАЕШЬ ЛУЧШЕ, ПОТОМУ ЧТО ТЫ СТАНОВИШЬСЯ ЛУЧШЕ С КАЖДЫМ ДНЕМ. Я ПРИВЕЗУ ТЕБЕ МНОГО РАКУШЕК И КРАСИВЫЕ-КРАСИВЫЕ БУСЫ, ТОЛЬКО СКАЖИ, КАКОГО ХОЧЕШЬ ЦВЕТА.

НЕ ГРУСТИ, ЧТО Я С ТОБОЙ СЕЙЧАС НЕ ГУЛЯЮ. КОГДА Я ПРИЕДУ В МОСКВУ, Я БУДУ ГУЛЯТЬ С ТОБОЙ КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

(ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ТАКОЕ МОСКВА? МОСКВА – ЭТО СТОЛИЦА НАШЕЙ РОДИНЫ. ТЫ ЖИВЕШЬ В МОСКВЕ!)

ТЫ УЖЕ ЛУЧШЕ ПИШЕШЬ БУКОВКИ, ПРАВДА? ЕСЛИ СМОЖЕШЬ, НАПИШИ МНЕ ПИСЬМЕЦО РАЗНЫМИ ЦВЕТНЫМИ КАРАНДАШАМИ.

Я ИЩУ ДЛЯ ТЕБЯ КУРИНОГО БОГА – ЭТО КАМУШЕК С ДЫРОЧКОЙ, В НЕЕ НАДО ЗАГАДАТЬ ЖЕЛАНИЕ, И ОНО ОБЯЗАТЕЛЬНО СБУДЕТСЯ.

НЕ СКУЧАЙ, СЕСТРЕНКА.

ОБЯЗАТЕЛЬНО ПОПРОБУЙ НАПИСАТЬ МНЕ ОТВЕТ, КАК ВЗРОСЛАЯ.

*ТВОЙ БРАТ
АРЛЕН.*

Запись 15: Странная история про появление щенков

Рассказывать эту историю людям будущего тоже как-то странно, скорее уж ее я адресую будущему себе, чтобы не забыть, не потерять. Много хороших моментов, которые я хочу сохранить, и много странных моментов, которые не хочу забыть, над которыми собираюсь поразмыслить.

На море опять было здорово. Мы с Андрюшей и Валеёй делали песчаный замок, а Фира носила для него ракушки-окошки. Володя и Боря искали человека, который продавал горячую кукурузу, даже пошли на соседний пляж (и я думаю, Боря там курил).

Максим Сергеевичу снял шлепки и стоял на мокром песке, иногда волна добежала до его ног, и он смешно поджимал пальцы.

– Красиво выходит? – спросил Фира. – А, Максим Сергеевич?

– Ну, не Гауди, конечно, – сказал Максим Сергеевич задумчиво. – Но почему бы нет?

Мы занимались нашим делом сосредоточенно, и вскоре перестали его замечать, а потом он вдруг сказал:

– Эй, орлы, а вы осознаете, что живете в полностью искусственном мире?

– Что вы имеете в виду? – спросил Андрюша.

– В университете я изучал историю заката Земли, двадцатый и двадцать первые века. Специализировался на двадцатом. Очень интересное время. Тревожное. И вот вы живете в ностальгическом спектакле для ученых и любителей. Как в зоосаде. Но ведь это все не ваше, а ваше – что? Где ваши золотые наряды и каннибальские оргии?

– Я рад отсутствию каннибальских оргий, – сказал я.

– Да, Жданов, я рад тому, что ты рад. А твой язык? Такой клишированный, такой книжный, как будто взяли старые газеты и вытряхнули из них лозунги.

– А что вы хотите сказать? – спросила Фира.

– Сам не знаю, – сказал Максим Сергеевич. – Просто когда-то ваши предки строили дворцы из костей, а теперь вы ходите строем и распеваете гимн.

– Так это ведь плохо, – сказал я. – Дворцы из костей.

– Справедливости ради, – сказала Фира, – еще более дальние наши предки тоже ходили строем и распевали гимн.

– Это тоже правда, – сказал Максим Сергеевич. – Но все-таки странно, до чего мы все пластичны. Валя, сбегай принеси мне панамку, а то голову напечет. И сама надень.

Фира вдруг спросила:

– А вам не противно с нами?

– Нет, – сказал Максим Сергеевич. – Хотя дети мне в целом не нравятся.

– Но вы знаете, что я имею в виду.

Максим Сергеевич вздохнул, посмотрел куда-то вдаль, почесал нос. Прибежала Валя с панамкой, и Максим Сергеевич долго вертел ее в руках.

– Да нет, – сказал он. – Не могу такого сказать. Я ожидал худшего, когда сюда летел. Но сначала, сначала такое чувство было. А теперь прошло.

Мы смотрели на него и ждали, что он еще скажет, но Максим Сергеевич почему-то ничего не сказал. Он закрыл ладонью глаза от солнца, и сильная волна укрыла его ноги до щиколоток. Мы смотрели на него, как будто он мог знать какой-то ответ, но он не понимал даже вопроса.

А потом я увидел, что Андрюша разрушил наш замок, который мы строили все вместе. Валя столкнула его в воду, я сказал:

– Нет, подожди, он случайно!

– Он специально так сделал, пока мы не видели, пнул его ногой! – сказала Фира. – Потому что он – урод!

Андрюша сказал:

– Я нечаянно.

Я сказал:

– Он нечаянно.

Максим Сергеевич сказал:

– Только не утопи его, Валя.

Я попытался спасти Андрюшу, но и сам очутился в воде. Вернулись Володя и Боря, они грызли желтые початки, еще два лежали в целлофановом пакете.

– Дамы, – сказал Володя. – Это вам.

А я осознал, что если лежать так спокойно под волной, то, когда она накатывает, вода затекает в нос. Так можно утонуть.

Потом все пошли купаться, а я не пошел, мне надо было собрать ракушки для Галечки.

– Эй, крошка политрук!

– Что тебе нужно?

Боря нагнал меня, хлопнул по плечу, довольно больно.

– По поводу вчерашнего, я имею в виду, когда ты чуть не утоп.

– Что?

Я подумал, он извинится, но Боря сказал только:

– Ни «хуя» себе ты слабак.

– Отстань, я занимаюсь своими делами, – сказал я.

Боря быстро загорел и казался поэтому очень отдохнувшим. Моя мама однажды сказала, что Борина внешность совершенно не соответствует его личности, мол, у него симпатичное личико: распахнутые глаза, смешной вздернутый нос, забавные щечки, и весь он такой миловидный, а как рот откроет – хоть стой, хоть падай. Только брови у него надменные, чуть с изломом.

Мне кажется, это все суеверия – далеко не всегда внешность говорит о человеке достаточно или прямо. Прогрессивный способ мыслить должен быть основан на строгих научных данных, но нет никаких строгих научных данных о

том, что мальчики с милыми носами и блестящими глазами не могут быть настоящими чудовищами.

– Видал, как Макся расстроился с этого Эдика?

– Максим Сергеевич, безусловно, ценит профессионализм Эдуарда Андреевича.

– Да не, Максю реально прихватило. Щи сделал кислые. А ты знаешь почему?

– Если я этого не знаю, значит знать мне не положено, – сказал я. – Иди купайся.

– Не пойду, мое дело тебя просветить. Короче, Эдик этот, он все придумал.

– Что придумал?

– Все. Про детей, червей и всякое такое.

Я сказал:

– Знаю. У Эдуарда Андреевича у самого в голове червь. Но он даже не солдат.

– А видишь какой человек-то серьезный. Бывает!

Я молчал, не хотел сказать лишнего.

– А Макся парится, что он не такой серьезный человек. И злится, наверное. Он-то с нами тусит. Ему нас жалко.

– А что нас жалеть? – спросил я.

– Ты реально такой тупой или прикидываешься? Нас и Эдик этот жалеет. Всем, «блядь», вокруг так стыдно. Обалдеть можно.

Я остановился, резко развернулся, так что мы с Борей почти столкнулись лбами.

– Поясни.

– А что тут пояснять? Никому не охота особо мучить детей. Но вроде один предложил, а другой столько лет нас пас. Теперь всем неловко. Напряжение.

Я помолчал, а потом спросил:

– А почему ты это со мной обсуждаешь?

– А потому что ты поехавший, – сказал Боря. – И до тебя точно ничего не дойдет.

– Мне такого знать и не надо. Люди наверху разберутся и без меня.

– «Заебись», такой ты солдат.

Вдруг меня посетило странное чувство: Боря хочет поговорить по-настоящему, его что-то волнует, и только я смогу его понять. Я вспомнил, как он разжал руку, когда висел на парашюте вниз головой. Он разжал руку медленно, это не далось ему легко, но все-таки Боря так сделал.

Я невольно посмотрел на свою ладонь. Теперь она пахла только земляничным мылом. Утром я очень долго оттирал от руки металлический запах, может, он мне уже только мерещился.

Боря сказал:

– Макся сопли разводит.

– Не думаю, что стбит так говорить.

– А моя мамашка думает только о том, какая она красотка.

Он сказал это как бы между делом. Я молчал. На самом деле Боря сам постоянно крутится перед зеркалом, а еще он

залачивает волосы (единственный из всех детей, которых я знаю), да так сильно, что в нашей палате по утрам можно умереть. Даже тогда, после моря, его волосы оставались зачесанными назад и выглядели почти как сухие.

Я знаю их маму. Она красивая-красивая блондинка, с таким же смешным носиком, как у Володи и Бори, с холодными, светлыми глазами и довольно жестким характером. Все на свете, кажется, и вправду ей безразлично, зато она носит с собой карманное зеркальце и смотрится в него, когда ей скучно.

Володя не похож ни на кого из родителей, ни на своего паясничавшего отца, ни на холодную, помешанную на себе маму, а Боря – он похож на обоих.

Я сказал:

– Наверное, она вам напишет.

– А твоя мамаша? – сказал Боря. – Ты ж «наебыш», Жданов. Вот она себе всю жизнь и старается доказать, что ты не зря у нее родился и жизнь ей не сломал.

– Зачем ты меня обижаешь? – спросил я. – Что ты хочешь сказать? Что мы с тобой оба умрем? Ты что, боишься?

Я собой не горжусь. Я так сказал из злости, чтобы сделать больно уже ему.

Он ударил меня и разбил мне губу.

Я утер кровь и сказал:

– Я справлюсь, потому что я правда этого хочу. А ты-то хочешь?

Измазанные красным пальцы я помыл в море.

Боря сказал:

– Будь мужиком, Жданов.

Но на самом деле, наверное, ему незачем было говорить это мне.

Не надо думать, что я больше совсем не купался. Я искупался еще раз! От соленой воды разбитая губа болела, но я читал, что море обеззараживает.

Правда, Андрюша потом сказал, что иногда можно так подхватить бактерию, которая разъедает плоть.

Надеюсь, я ее не подхватил!

Потом мы шли с пляжа через лиман. Девочки сказали, что тут лечебная грязь. Они вымазались ею все, и выглядели, как представительницы какого-то дикого племени. Наверное, такими представлял наших предков Максим Сергеевич.

– Парни, вы тоже хотя бы тапки снимите, – сказал Максим Сергеевич. – Вдруг правда лечебная.

Мне такое неприятно, но я обычно выполняю все, что говорят взрослые. Без шлепанцев идти по грязи оказалось странно, она была черная и такая мягкая, легко скользила между пальцев.

Мы прошли по этой грязи вдоль мелкого заливчика, а потом еще долго шли между тихой дорогой и выбеленным солнцем каменным забором, из-за которого выглядывали ветви сливовых и вишневых деревьев.

– Нельзя воровать! – говорил я. – Это же чужие сливы.

Володя сказал:

– То есть как, чужие? То есть собственники скрывают свои сливы от трудового народа?

На это мне нечего было ответить, и я сунул предложенную мне сливу в карман.

– Все равно их требуется сначала помыть. И они еще незрелые, живот заболит.

Максим Сергеевич всю дорогу выглядел так, словно решает какую-то важную задачу. Потом он сказал:

– И правда, пойдем сегодня вечером на набережную погуляем.

– Классно, – сказал Володя. – А отбой можно попозже?

– Не настолько я жалостливый человек. Отбой по расписанию.

Когда мы дошли до корпуса, девочки тут же побежали смывать с себя засохшую грязь, Максим Сергеевич сказал, что ему надо повидаться с Эдуардом Андреевичем, а мы остались стоять между кипарисами.

Володя сказал:

– Макся лапа сегодня.

– Всем бы такого Максю, – сказал Боря. – Эй, дщер, что насчет пыточек? Уже предвкушаешь?

– Да, – сказал Андрюша.

– Ты лучше скажи, где ты был вчера ночью, Володя? – сказал я.

– Это одна из загадок, оставленных в наследство челове-

честву, – ответил Володя.

– А твое-то какое дело? – сказал Боря.

– Такое, что я в ответе за дисциплину.

– Конечно, ты в ответе, крошка политрук. Заведи журнал и отмечай там отсутствующих.

Я решил так и сделать.

Боря пнул камушек, он отлетел в окно первого этажа, со звоном об него ударился и упал.

– Вот это меткость, – сказал Володя.

– Один – ноль в пользу меня, играем дальше.

Пока Володя искал камушек, я сказал Андриюше:

– Надо успеть до обеда привести себя в порядок.

– Я прочитал, что здесь водятся светлячки. Вдруг мы их увидим. На вид они очень отвратительные, если их рассмотреть.

Настроение у меня теперь стало хорошее, и я почти обо всем забыл, что меня сегодня волновало. Мы с Андриюшей решили пойти наверх, но когда мы уже почти подошли к крыльцу, кто-то сшиб с ног меня, а я уже сшиб Андриюшу.

Сначала я подумал, что это очередная выходка Бори, но потом я увидел Борю и Володю. Они стояли поодаль, лица у обоих были одинаково удивленными, и они показались мне еще более похожими, чем обычно.

– Там! – сказал мне тот, кто нас сбил. – Собака рожает! Пошли посмотреть!

– Что? – спросил я.

– Ну, собака. Она сейчас родит за столовой! Пошли срочно смотреть!

Я уже совсем ничего не понимал. Андрюша сказал:

– Я коленку разбил.

Я сказал:

– Да какая собака?

Боря засмеялся, а Володя спросил мальчика, который нас с Андрюшей сбил:

– Эй, пацан, ты вообще кто?

– Сейчас это вообще не важно, кто я, просто пошли смотреть собаку.

– А она реально рожает?

– Реально рожает она.

Наконец, я рассмотрел мальчишку, говорившего так странно. Он определенно был нашим ровесником. Тощий, вихрастый, бледный, он казался каким-то нездоровым, но в то же время полным энергии.

Мне сразу пришло на ум сравнение: больной волчонок.

– Тебя как зовут-то? – спросил Володя.

– Да это сейчас вообще не важно!

Речь у него была странная, какая-то немножко вывернутая наизнанку, словно он только учился говорить. Чуть подалее стоял еще один мальчик, вот уж явно младше нас года на три. Он выглядел смущенным и перепуганным. Я спросил:

– А ты кто? Ты тоже...

Но наш новый знакомый не дал мне договорить, он схватил меня за руку, помог мне подняться и сказал:

– Ой, все, пошли быстрее собаку смотреть.

И мы пошли, нет, даже побежали смотреть собаку.

Мальчик поменьше побежал за нами, он изрядно отстал.

Наш новый знакомый говорил на бегу:

– Я – Ванечка, это – Алеша, мой младший брат.

– Многое проясняет, – сказал Володя. Он легко вырвался вперед, потому как бегал быстрее нас всех, развернулся и спросил:

– Ты из первого корпуса?

– Ну не важно же откуда я. Когда родит она, тогда я все расскажу.

– Мы из первого корпуса, – сказал Алеша. – Наш папа здесь лечится. То есть мой папа. А наша мама здесь отдыхает.

Они вовсе не были похожи на братьев. Старший, Ванечка, весь острый, глазастый, скуластый, с мордочкой и правда чуть напоминавшей собачью. Волосы его были темными и кудрявыми, а глаза яркими и зелеными. В Ванечкиной внешности таилось нечто странное, какая-то красота, которая немножко похожа на уродство. Его младший брат же был похож на очень реалистично исполненную куклу. Светловолосый, с аккуратными чертами лица, довольно длинными, по уши, волосами, он казался мальчиком-пажом из иллюстрации к какой-нибудь сказке, тогда как Ванечка скорее напоминал маленького разбойника.

Не знаю, хотел ли я на самом деле посмотреть, как рожает собака. Может быть, и нет, но все побежали, и я, как в поговорке, тоже побежал.

Вообще-то мне не нравятся такие физиологические вещи, в природе не хватает строгости и чистоты. Машины появляются на свет куда более чистым образом, чем живые существа. Но в то же время мне было любопытно. Я же еще никогда не видел совсем слепых щенков.

Собака лежала на газетах около мусорного контейнера с белой надписью «Пищевые Отходы».

Я сказал:

– Здесь ей, наверное, очень негигиенично.

Боря сказал:

– Вот это «охуеть», реальная беременная собака.

– Я же говорил, – сказал Ванечка.

Володя сказал:

– Честно говоря, понятия не имею, как принимают роды у собак.

– Ты типа имеешь понятие, как роды у людей принимают? – сказал Боря.

Андрюша первый сделал шаг к собаке. Он сказал:

– Если какой-то щенок застрянет, надо будет его вытащить. Как с людьми.

– Фу.

– Фу.

– Фу.

– Круто.

Последнее, разумеется, сказал Ванечка.

– Не зря я вас позвал, – добавил он.

– А я думаю, что зря, – сказал я. Собака была черная с подпалинами, она разлеглась печально и устало, глаза ее казались бездонными, полными боли, пасть была приоткрыта, живот раздут. Она не издавала ни звука, только тяжело дышала.

Алеша стоял чуть поодаль. Я видел, что он боится собаки, но ему любопытно.

Он сказал:

– Она может укусить.

– Она злая? – спросил Володя.

– Нет, – сказал Алеша. – Просто ей больно.

Очень рассудительный мальчик для своих лет, решил я.

Андрюша сказал:

– Если она не сможет родить, она умрет.

– Ну да, – сказал Боря. – Природа безжалостна. Может, Максю позвать?

– Макся ненавидит детей, – сказал Володя. – И собачьих небось тоже.

Андрюша сказал:

– Он ее пришибет палкой с гвоздями.

– Это уж слишком, – сказал Боря. – Эй, Жданов, ты в обморок не упадешь?

А я на самом деле почувствовал, как побледнел, странное

ощущение: щеки холодеют, будто только вышел на мороз. Газеты под собакой были розоватыми. Не совсем окровавленными, нет, но розоватыми.

Ванечка сказал:

– Она так уже долго. Из нее вышло немного кровяной воды, и все.

– Эй, дровер, глянь на собачью «пизду», что там?

– Распухла, – сказал Андрюша. – Мне кажется, скоро полезет щенок.

Алеша сказал:

– То, что распухла, это не очень хорошо. Но если крови было мало, то все еще не очень плохо.

– Умница ты какая, – сказал Боря. – Ты, «пиздюк», и что делать знаешь?

– Да, – сказал Алеша. – Я читал в книжке. Могу объяснить.

Мне стало стыдно: я ничего не знал о родах у собак. Но теперь я кое-что знаю.

Чтобы принять роды у собаки (хотя, безусловно, лучше, если этим делом займется кто-то квалифицированный, или собака разберется сама), согласно сведениям, полученным от моего нового друга Алеши, требуется вот что:

1. Принять щенка, то есть когда он выйдет естественным путем, аккуратно взять его, чтобы он не упал.
2. Разорвать нечто прозрачное и наполненное жидкостью.
3. Вытереть щенячью мордочку.

4. Перерезать пуповину близко от пузика щенка.

5. Аккуратно растереть его тряпочкой, чтобы пошел кровоток и, если понадобится, слегка встряхнуть, чтобы раскрылись легкие.

На самом деле, роды принимали Андрюша и Ванечка. Боря и Володя в конце концов подошли ближе и помогли обтирать щенков, а мы с Алешей так и стояли чуть поодаль.

Но я увидел новорожденного щенка в странном, прозрачном пузыре. Не то чтобы это был такой пузырь, как мыльный, он довольно плотно обхватывал щенка. Но все-таки это был пузырь.

Собака его съела.

Она вообще много чего съела.

Но щенки, к счастью, все родились здоровые и активные. Четверо: один беленький, остальные черные, с подпалинами. Уже вскоре они нежно попискивали, прижавшись к маме.

– Надо ей поесть, – сказал Боря. Он хотел утереть рукой пот со лба, но, подумав, остановился.

Алеша сказал:

– Пока не надо.

– Она уже поела, – грустно сказал Андрюша.

Боря, Володя и Ванечка уселись на землю, облокотившись на контейнер. Боря достал из кармана сигареты, чиркнул зажигалкой, закурил.

– О, а можно? – спросил Ванечка.

– Ну да, – сказал Боря. – На, держи.

– Хорошо, а то я обычно только бычки докуриваю.

– За бомжами? – спросил Боря.

– Вот ты глупый такой, бомжи всегда до фильтра докуривают.

Володя засмеялся:

– Нет бы спорт, здоровье! Во хулиганы!

Андрюша поглаживал пальцем белого щенка. Мы с Алешей переглянулись.

Я сказал:

– Твои знания оказались нам очень полезны.

– Спасибо, – сказал Алеша. Он сделал пару несмелых шагов и подошел ко мне.

– Мы живем в первом корпусе, – снова сказал Алеша. – Мой папа – солдат, а наша с Ванечкой мама тоже здесь отдыхает.

– Это здорово, – сказал я.

– А вы, наверное, те дети-солдаты, да? Я видел, как вы в столовую ходили. У вас красные платки.

– Галстуки, – сказал я.

– Извини.

– Да, – сказал я. – Мы – пионеры.

Боря сказал:

– Всем ребятам примеры.

Он глубоко затянулся и выпустил дым. Собака недовольно фыркнула.

– Не фырчи, помогали тебе, потерпишь теперь. Во бабы,

а? Все им не так.

Ванечка сказал:

– Ой вы, бедняжки.

– Это еще почему? – спросил я.

У Ванечки были очень ясные, яркие зеленые глаза, взгляд казался почти светящимся, как у ночного зверька.

– Потому что, – сказал Ванечка. Он докурил сигарету быстро, буквально в две затяжки. – Потому что вас отправят на скотобойню.

Он странно говорил, сильно давил на звук «а», и всюду его вставлял, где должно было быть «о», а еще иногда скрежетал зубами.

– Эмаль сдерешь, – сказал я. – Будет больно жевать. Почему ты говоришь – скотобойня?

– Ну просто скотобойня. А ты не знаешь ничего. Собака такая счастливая. Чудо.

И правда, подумал я, мы только что наблюдали чудо рождения жизни. Это грязно, кроваво, но в то же время удивительно. Мне совершенно не понравилось, однако я впечатлился.

– Интересно, женщина, когда рожает, так же дышит? – спросил Андрюша.

– Не знаю, дрочер, не знаю. Эй, Иван, так что за скотобойни?

Ванечка пожал плечами, погладил собаку, в зубах у него все еще была недокуренная сигарета.

– Не хочу вас расстраивать.

Алеша сказал:

– Да ты ведь точно и не знаешь. Это городская легенда.

– Легенда, – сказал Ванечка. – Но я все знаю точно с самого рождения.

– Дурачок у тебя старший брат? – спросил Боря. – У меня тоже.

Володя дал ему подзатыльник.

Я смотрел на собаку.

– Надо дать ей имя, – сказал я.

– У нее имя уже есть. Найда ей имя, – сказал Ванечка.

Найда вылизывала своих щенков, и меня это очень тронуло. Они были совсем еще маленькие. Все живое стремится к любви, и мне это долго казалось странным, а теперь вдруг перестало таковым казаться.

Ванечка сказал:

– Скотобойни – это где убивают петухов, вы что, не знаете?

– Нет, – сказал я. – На скотобойнях убивают скот. Свиней, коров. А птиц убивают на птицефабриках.

– Да уж, – сказал Боря. – Поверь мне, Ваня, у нас с братьями бабка и дед на скотобойне работают. У меня пушка есть оттуда, я покажу.

Но Ванечка не слушал ни меня, ни Борю. Он сказал:

– Петушков.

Алеша сказал Ванечке:

– Хватит.

– Петушочков.

Андрюша сказал:

– А ты потом расскажешь нам про скотобойни?

– Если добудете творогу для Найды, – сказал Ванечка и шмыгнул носом.

Мы, конечно, пошли добывать творог для Найды, но все не для того, чтобы узнать какую-то глупую городскую легенду.

Запись 16: СКАТАБОЙНИ

АРЛЕН ПАПРАСИЛ МИНЯ НАПЕСАТЬ О СКАТАБОЙНЯХ. РАСКАЗЫВАЮ О СКАТАБОЙНЯХ. НИЧЕГО НЕТ СТРАШНЕЕ ЧЕМ СКАТАБОЙНИ. СКАТАБОЙНИ САМАЕ СТРАШНАЕ. КАГДА ЧИЛАВЕК БАЛЕЕТ ЛЮДИ ИС ЧЕРНЫХ МАШИН ЕГО НЕ УБИВАЮТ А ТОЛЬКА УВОЗЯТ НА СКАТАБОЙНЮ. ТАМ ЕМУ ВСЕ ВРЕМЯ ВЫРИЗАЮТ ОРГАНЫ И ОТПРАВЛЯЮТ В КОСМАС ДЛЯ КАСМИЧЕСКИХ ЛЮДЕЙ И ШТОБЫ ДЕЛАТЬ БИОТОПЛИВА. А ОРГАНЫ ВСЕМ ПОДХОДЯТ ПАТАМУ ШТА ОНИ ВАЛШЕБНЫЕ. ЕСЛИ ЧИЛАВЕК НИ САШЕЛ С УМА ОН МОЖИТ СРАЖАТЬСЯ НА БОЛЬШИХ КАСМИЧЕСКИХ КАРАБЛЯХ И ДРУГИХ ПЛАНЕТАХ. А ЕСЛИ ЧИЛАВЕК САШЕЛ С УМА ТО ЕГО ВСЕВРЕМЯ ПАТРАШАТ.

А КАГДА ЧИЛАВЕК МОЖИТ СРАЖАТЬСЯ ТО ОН ВСЕ РАВНО СУПАВОЙ НАБОР ДЛЯ КАСМИЧЕСКИХ ЛЮДЕЙ ШТОБЫ НИКТО НИ УМИРАЛ.

ЧИЛАВЕК ОТ ЭТАГА УСТАЕТ И УМИРАЕТ.

НА БАЛЬШИХ ФАБРИКАХ ПАТРАШАТ СУМАШЕДШИХ ЛЮДЕЙ АНИ КРИЧАТ НУ И КТО СУМАСШЕДШИЙ?

ПАКА.

Запись 17: Набережная

Я так устал, и всё в огнях.

Не могу заснуть, а когда пытаюсь, то огней становится еще больше.

Андрюша посоветовал мне записать свои мысли, если запишу – успокою себя и так засну. Надо спать, я уже долго не спал. Но мне сейчас так хорошо!

Максим Сергеевич действительно повел нас на набережную, и вечер получился совсем чудесный, очень особенный.

Жаль, конечно, что с нами не пошли Ванечка и Алеша. Мне показалось, что мы можем подружиться. В любом случае, теперь мы будем навещать Найдю и обязательно пообщаемся еще.

Набережная на самом деле оказалась такой красивой, я почему-то (хотя теперь сам не понимаю, почему) совсем этого не ожидал. Все было залито рыжими огнями, с моря дул свежий ветер, а с неба уставились на нас низко висящие, яркие звезды. Целиком и полностью весь мир сиял.

Пахло не только морем, а еще и всякой вкусной едой. То и дело нам встречались красивые фонтаны с морской водой. Продавали мороженое, и Максим Сергеевич купил его нам.

Вот что мы получили:

Я: Эскимо.

Андрюша: Фруктовый лед, апельсиновый.

Боря: Пломбир в вафле.

Володя: Рожок шоколадный.

Фира: Шербет.

Валя: Мороженое-елочка.

Какое же оно было вкусное, мороженое, вкуснее, чем дома! Я не очень хорошо отношусь к потреблению, но потребление мороженого мне нравится. А Фире и Вале купили в специальном магазине эфирные масла: розовое, лавандовое и чайного дерева. И два глиняных кулончика (они как маленькие амфоры), куда эти масла нужно капать, и они будут пахнуть. У Фире теперь есть красный кулончик с желтыми пятнами, а у Вали – синий с одним большим зеленым пятном посередине.

Я искал варенье из роз для мамы, но пока что его не нашел.

Володя сказал:

– А если девчонкам можно всякие пахучки покупать, можно мне серебряный перстень, как у авторитета?

– Нет, – сказал Максим Сергеевич. – Могу тебе купить ракушку. Хочешь?

– Да я таких сколько угодно найду на пляже.

Зато Максим Сергеевич (не без корыстного умысла) разрешил нам пострелять в тире. Мы, конечно, выиграли всех трех красивых кукол и одного крокодила. Крокодила решено было оставить в нашей мальчишечьей комнате, кукол отдали девочкам, только одна осталась бесхозной, причем самая

красивая, потому что ее не смогли поделить.

Потом мы катались на колесе обозрения, и я видел город с высоты птичьего полета. Ветер гудел у меня в ушах, он поднялся сильный и бил прямо в лицо. Боря свесился вниз и плюнул в толпу. Я на него, конечно, пожаловался Максиму Сергеевичу, а Максим Сергеевич сказал:

– Я бы и сам с радостью так сделал, жаль, я уже взрослый.

Я сказал:

– Что-то вы больно нас балуете и щадите.

– Только ты, Жданов, не любишь, когда тебя балуют и щадят.

Потом мы покатались на цепочных каруселях, и Боря так раскачивался, что его откинуло назад и он ударил меня железной перекладиной прямо по коленям. Не знаю, специально он или нет. Говорит, что все вышло случайно, но я ему не верю.

Колени у меня потом сильно болели, и сейчас болят, а еще на них огромные синяки.

Но какой же был полет. На цепочной карусели не то, что на колесе обозрения. Цепочка натягивается, и кажется, тебя ничто не держит, и звезды, и море, все очень близко, и в животе так пусто, а потом пустота доходит до самого сердца.

И ничего, что я разбил колени, от боли вдруг все стало еще более ярким, светящимся – так действует на нас адреналин. Я вскрикнул и даже не понял, не от счастья ли это.

Такой полет, даже не знаю как его описать!

Наверное, что-то такое испытываешь в Космосе. Или, когда ты становишься героем, и уже точно знаешь, что умираешь сейчас за идею, за большую и красивую идею, единственно верную, единственно правильную.

За дальнейший расцвет человеческого общежития, например.

Или за тех, кого очень сильно любишь, и кто будет счастлив теперь всегда.

Но лучше все-таки любить всех людей и умирать за дальнейшие успехи в достижении всеобщего процветания.

Я в это верю, а тогда, на цепочной карусели, я поверил еще больше. Это было как умереть – вдруг внезапная боль, и такой полет.

Хотя, наверное, о смерти у меня нет права писать, я ведь еще не умирал.

Потом мы сидели на лавочке, и Андрюша сгибал и разгибал мне ноги, чтобы проверить, не повредилось ли все в коленях сильно.

В конце концов он сказал:

– Я не знаю.

– Тогда что ты делаешь?

– Пытаюсь тебе помочь.

Фира принесла мне сахарную вату. От своей она отрывала куски и ела, но это очень негигиенично. Я предупредил об этом Фиру, а она только сказала:

– И ладно, Арленчик.

Я сахарную вату кусал, и во рту у меня до сих пор очень-очень сладко, хотя столько прошло времени и я уже поужился. Весь подбородок у меня еще долгое время был липкий, и Максим Сергеевич заставил меня умыться водой из фонтана.

Я упирался, ведь вода из фонтана, но все же сдался. Горькое и соленое, морская вода и сахарная вата. Как же хорошо!

Максим Сергеевич сказал:

– Не буду вас больше кормить сладким, клянусь! Дети от сладкого сходят с ума!

В круглом и красивом «планетарии» (беру в кавычки, потому что это не настоящий планетарий) шла пятнадцатиминутная программа о звездном небе. Можно было лежать на мягких подушках, а наверху чернел экран, куда проецировалось вертящееся небо. Рассказывали о том, как возникают звезды. Я слушал и слушал, на языке было то сладко, то солоно, а звезды взрывались, и гасли, и снова собирались из космической пыли.

В темноте я нащупал руку Андрюши, потрогал его за локоть.

– Космос, – сказал я.

– Космос, – сказал Андрюша.

– Мы с тобой всегда будем лучшими друзьями, – сказал я. – И в Космосе.

– И в Космосе, – сказал Андрюша. – Ты единственный, кому я нравлюсь на всем свете. Не хочу тебя разочаровать.

– Мы навсегда с тобой товарищи, со мной ничего не бойся.

Мягкий голос диктора убаюкивал, а еще я лежал на подушках и поэтому едва не заснул. Вышел на улицу сонный, и показалось, что прохладно.

Мы дошли до самого конца набережной. Там волны бились о камни так громко и так сильно, что капли то и дело оседали на моем лице и руках. Вода взбивалась до белой пены, качалась вдалеке лунная дорожка.

Как красива родная природа!

Мы стояли вот так, под ветром с моря быстро стало холодно, Валя все время поправляла свой красный галстук, я смотрел то на море, то на свои теперь фиолетовые колени.

– У кого-нибудь еще бывает такое, что от ветра слезы? – спросил Андрюша.

– Только у задохликов и слабачков вроде тебя, дрочер, – сказал Боря. – У мужиков – никогда не бывает.

Я сказал:

– Это от соленого ветра, наверное. Если соль попала в глаза.

– А вы щенков покажете? – спросила Валя.

– Нет, – сказал Володя. – Щенки наши. Там их мало.

– Мы тогда сами найдем, – сказала Фира. – Но если щенков не покажете, к нам духов вызывать даже не приходите.

– Какой обскурантизм, – сказал я. – Какие духи? Мы живем в просвещенное время, Фира.

– Всегда есть место тайне, – сказала Фира.

Не хотелось оттуда уходить. Хотелось смотреть на скользкие камни. В свете луны казалось, что они испещрены серебряными прожилками.

– Там, – сказал Андрюша. – Маяк.

– Да, – сказала Валя. – Точно, маяк. Максим Сергеевич, а как оно там – на других планетах?

– По-разному, – сказал Максим Сергеевич. – Но, в общем и целом, грустная часть состоит в том, что люди везде остаются людьми.

– А маяки там есть? И моря?

– Кое-где, – сказал Максим Сергеевич. – А кое-где вообще нет ничего интересного. Мир ужасно разнообразен.

– Но вы-то приехали к нам, у нас не очень разнообразно, а вы захотели, – сказал Боря. – А искупаться можно?

– Нельзя, Шиманов.

– Но вы-то зачем к нам приехали?

– Это личное, Боречка, – сказала Фира.

– Личное, – сказал Максим Сергеевич. – С моими педагогическими способностями связано примерно никак.

– Это видно, – сказал Володя.

– Да, – ответил Максим Сергеевич. – Хороший педагог бы тебя наказал. Совсем разбаловались.

– Интересно. – Валя показала на воду. – Тут наверное рыбы просто куча.

– По утрам тут рыбаки, – сказал я. – Ванечка говорил.

– Это еще кто такой? – спросил Максим Сергеевич.

Я ответил, что это наш новый друг, рассказал историю про собаку, но Максим Сергеевич не проявил к ней никакого интереса.

– А как вам такая история? – спросил он. – Брат и сестра остались дома одни, с ними начинают разговаривать предметы быта.

– Начинается уже слишком нелогично, – сказал я.

– Это отсылка к «Мойдодыру», – сказал Максим Сергеевич. – Они разговаривают со всякими разными предметами и понимают, что только используют их и ничего не дают взамен. Им становится стыдно, но потом возвращаются их родители, и брат с сестрой понимают, что все люди используют друг друга и ничего не дают взамен.

– Сегодняшняя сказка, – сказал Володя, – почему-то особенно стремная.

– Нормальная! Наши предки так и делают.

– Борь, заткнись.

Я сказал:

– Ценить книгу необходимо, как источник нравственных представлений о людях и обществе. С этой точки зрения ваша книга не получится.

– Ну и черт с ней, – сказал Максим Сергеевич. – Пойдемте ужинать. В санатории мы ужин уже прогуляли. Тут вроде рядом кафе есть, да? Если обратно по набережной пойти. Ну-ка, Кац, сгоняй, посмотри.

Фира убежала, а когда вернулась, сказала:

– Есть. Там девушка поет.

Я прислушался. И на самом деле девушка пела, до нас доносился ее голос, нежный, чудесный, ласковый, но чуть слишком игривый для серьезной песни, которую она исполняла («Надежда – мой компас земной»).

От тембра ее голоса песня приобретала незнакомый театральный оттенок, будто исполнялась в шутку. Мне это не понравилось, так как песня серьезная.

В кафе для нас сдвинули два столика.

– А представляете, Максим Сергеевич, – сказала Фира. – Если вас принимают за нашего отца. Как будто у вас столько детей!

– И жена родила мне шестерняшек, совершенно непохожих друг на друга.

– Двое похожи.

– Но не на меня.

Я листал меню и не мог выбрать, что мне заказать. В кафе у меня возникло чувство неловкости: я не хотел, чтобы меня кто-нибудь обслуживал, приносил и уносил за мной тарелки. Я же не важный барин какой-нибудь!

В конечном итоге я заказал крабовый салат и котлету по-киевски.

А Фира заказала себе мятное мороженое. Еще мороженое! Еще и с сиропом! И как в нее влезает столько сладкого?

Девушка на сцене пела и дальше, чем веселее ей попада-

лась песня, тем лучше у нее получалось. Это была очень высокая девушка на очень высоких каблуках. Ее каштановые волосы были длинными и очень, прямо непривычно, прямыми. На загорелой коже ярко выделялись веснушки (я их видел, потому что мы сидели близко к сцене). На девушке блестяло красное платье. Она была вся очень тоненькая и длинная, как сиамская кошка. И глаза у нее тоже были длинные, темные.

– Ах, – сказала Валя. – Вот бы мне быть такой, как она.

– Ты красивая, какая есть. Зато ты настоящая блондинка, – сказала Фира. – Но мне бы вот тоже нос, как у нее.

– У тебя красивый нос, – сказала Валя.

Так они это обсуждали, а я старался лишний раз на девушку не смотреть, это и без того тяжело – выступать на сцене, а уж когда тебя обсуждают!

Ближе нашего столика к сцене располагался только один. На нем стоял стакан с недопитым молочным коктейлем. Я все думал, почему стакан не убирают, а потом за столик вдруг села самая красивая девочка в мире.

Какие у нее были длинные, пушистые, нежные, золотые волосы. Я такое видел исключительно в книгах. Волосы – почти до самого пояса! И огромные синие глаза! И маленький аккуратненький носик, как это говорят, «кнопочкой». Вся она была такая миниатюрная, тоненькая, легкая, что я сразу подумал о птичках, у которых, говорят, такие легонькие кости, чтобы они могли летать.

У этой девочки лицо было хитренькое, но и бесконечно милое. Она склонилась над стаканом и потягивала коктейль через трубочку, разглядывая поющую девушку. Девочка сидела за столиком одна, и это было так странно: где ее родители?

А еще мне казалось, я видел, как трепетали ее золотые ресницы от яркого света на сцене.

Я огляделся. Андрюша и Боря тоже смотрели на нее. Лицо Андрюши казалось совсем уж задумчивым, словно он сейчас продумывает роман или картину, а Боря то и дело втягивал носом воздух, словно хотел ощутить ее запах.

И только Володя, что совершенно сбило меня с толку, никак не отреагировал на появление этой чудесной девочки, самой красивой в мире. Он точно так же, как она, склонившись над стаканом, потягивал газированную воду.

Валя наступила мне на ногу.

– Чего уставился? – спросила она.

Я сказал:

– Задумался.

Не мог же я соврать. Но и правду сказать не мог.

– О чем? – спросила Валя.

– Просто об обстановке, – сказал я. – И окружающих.

Вот так. Мне кажется, я ее чем-то разозлил. А так мы еще долго сидели в кафе, практически до закрытия. Мало говорили, но заказали себе еще травяной чай на местных травах и маленькие бутерброды (особенно вкусные были со шпро-

тами, но я съел только один, так как объелся).

Мне не хотелось, чтобы этот день заканчивался, и я ощущал легкую тревогу по поводу возвращения в санаторий. Так бывает, когда тебя охватывает счастье, но вдруг становится понятно, что дни все равно будут сменять друг друга дальше.

И завтра, даже если мы сделаем все точно так же, как сегодня, все будет по-иному.

Может быть, девочка сядет за другой столик и уже не покажется мне такой красивой.

А может, я больше ее никогда не увижу.

Домой мы вернулись такими усталыми, что мыться пошел только я.

Потом я пришел в палату (все были на месте, кроме Володи), от горячей воды все тело расслабилось, но заснуть я не мог. А теперь вот как будто засыпаю.

Такой вышел вечер, и если я сейчас закрою глаза, мне приснится все так же, как было.

Память – бесценная шкатулка.

Спокойной ночи, Арлен.

Запись 18: Журнал присутствия

1. Жданов Арлен Георгиевич – присутствует
2. Арефьев Андрей Романович – присутствует
3. Шиманов Борис Александрович – присутствует
4. Шиманов Владимир Александрович – отсутствует

Запись 19:

Объяснительная записка

Данный документ требует некоторых пояснений. Я вынужден Володю написать объяснительную записку, однако результат не показался мне удовлетворительным. Записки в такой форме предъявлять руководителю группы неприемлемо, поэтому листок возвращается в тетрадь. Пусть эта «записка» символизирует глубину морального падения нижеподписавшегося Шиманова Владимира Александровича.

Я, Шиманов Владимир Александрович, отсутствовал вчера ночью в палате по уважительной на то причине. А какая то причина – это не твоего ума дело. Жалуйся Максе, маме, папе (если только сумеешь его найти), да хоть Богу, а если Бога нет, то нашему мудрому руководству.

А я буду нем, как рыба.

Ничего ты от меня не добьешься.

Бывал я там, где тебя не будет.

Что вот ты хочешь с этой объяснительной делать? Зачем она тебе, друг? Отчего такое желание лезть в чужую жизнь? Ты о себе задумайся, о том, куда тебя это приведет. Знаешь, как говорят – синдром вахтера? Вот у тебя он в полный рост прям. Очень это плохо отразится на тебе.

Я тебе скажу так: Макся нас жалеет, так что я могу подойти к нему в столовой, выпить его компот, потом выпить бутылку водки, а потом перевернуть стол, и мне не будет ничего-шеньки.

Потому что Макся тоже человек.

Только ты не человек.

Но дневничок у тебя милый, этого не отнять.

Ладно, Жданов, не забывай мыть руки перед едой и чистить зубы два раза в день, а я, пожалуй, забуду на эту твою объяснительную и объяснять ничего не буду.

Не скучай.

Шиманов Владимир Александрович.

Дата. Подпись.

Запись 20: Мамино письмо

Я подумал: вдруг люди будущего будут чему-то удивляться, а я им не объясню. Я всегда переписываю письма на случай их утери. Нужно сохранять копии для семейного архива.

Вот письмо моей мамы. Сохранить его мне хочется особенно сильно, потому что оно в некоторой мере странное и мне непонятное. Необычное для моей мамы.

Арлен!

Здравствуй, сынок!

Ты только уехал, а я уже села за письмо. Как у нас без тебя дела, это ты спросишь первым делом. Дома одиноко, ночью не смогу заснуть, наверное. Звонил дядя Сережа, слышала Галечку, Галечка все пищала, где же ты. Она, видимо, что-то недопоняла из того, что ты ей объяснял про отъезд.

Как же ты там? Когда письмо дойдет до тебя, ты, наверное, уже устроишься. Может быть, сам напишешь мне письмо.

Не знаю, буду ли я отправлять свое письмо сразу или дождусь твоего, чтобы дописать все необходимое. Я как-то растерялась: дети растут так быстро. Ты уже совсем взрослый, надо же.

Сегодня видела белку, представляешь? Я шла домой, мне было так грустно, а тут белка выскочила прямо мне под ноги. Откуда она взялась, ума не приложу! Рыжая такая, с огром-

ным хвостом. Нездоровой совсем не выглядела. И вот она пронеслась мимо и убежала, и я ее уже не видела.

До сих пор гадаю, откуда она взялась? Может быть, она мне показалась, но я видела ее так отчетливо, хоть и совсем недолго. И глазки-бусинки, и пушистый хвост, и цепкие лапки.

Прямо посреди города! Белка!

Ты в детстве очень любил животных, Арлен, ты это помнишь? Нет, не надо так писать: «в детстве», тебе ведь всего двенадцать лет. Хотя возраст этот очень удивительный, я сама помню, впервые становишься в чем-то взрослым. Дети растут удивительно быстро. Ты еще не понимаешь, как быстро летит время. Мне кажется, я только вчера держала тебя на руках впервые. Ты был таким маленьким и беззащитным. Я не могла знать тогда, каким ты вырастешь.

Мы с тобой еще никогда так надолго не расставались, но ты сам знаешь, что так нужно, и, наверное, меньше без меня скучаешь, чем я без тебя.

Как там Андрюша? Ведет ли себя хорошо Боря? Вале ты, кажется, нравишься, она очень хорошая девочка, я была бы рада, если бы вы дружили.

Какой же ты уже взрослый, пройдет еще немного времени, и ты станешь юношей. Я тебя просто не узнаю, когда ты приедешь из санатория. Как это может быть: совсем маленький и беззащитный, а потом будто моргнула, и уже взрослый мальчик.

В тот день, когда я тебя родила, помню, было так солнечно. Солнце слепило глаза, а я так устала и хотела спать. Ты родился чуть позже полудня, на самом солнцепеке. Было жарко, и я чуть не плакала от того, как было жарко. Так устала, что не могла заснуть.

Но ты был такой красивый.

Ты уже совсем взрослый мальчик, так что это ничего, если я с тобой искренне поговорю?

Я очень переживала, как я с тобой встречусь. Столько было волнений, если честно, много оказалось и боли. Я переживала, вдруг я тебя увижу и со мной не произойдет того чуда, которое происходит почти со всеми женщинами.

Я ведь была одна. Рядом лежали женщины, у них тоже родились дочки и сыновья, за ними приезжали их любимые, а за мной бабушка и брат обещали.

А одна моя соседка родила мертвую маленькую девочку. Она лежала ближе всех к окну, не ела, не вставала. Это сложно объяснить, но смотреть на нее было страшно. У нее поднялась температура, врачи думали, может быть, это заражение, но опасались, что нет. Ее увезли ночью, не знаю, чем кончилось дело. Может быть, она просто заболела, и выздоровела, и родила еще одного ребенка потом, или двоих.

Мне было ее очень жаль. И как я могла думать, что не полюблю тебя всем сердцем?

Как только я тебя увидела, как только прижала к себе, я сразу же и бесповоротно поняла, что ты – идеален, что ни-

чего еще на свете не было лучшего, чем ты. Я еще не знала, что ты вырастешь умненьким, и красивым, и добрым, но я тебя уже любила.

Глаза у тебя, когда ты родился, были совсем синие, только потом они позеленели, к двум годам. А тогда – синие. Такого оттенка я, кажется, и не видела никогда. Я смотрела на тебя и знала, что кто бы за мной ни приехал и как бы я потом ни жила, у меня всегда будешь ты.

Тогда я и поняла, что твой папа меня не любил. Но он оставил мне нечто куда более важное – тебя. И все случилось совершенно не зря.

Я тебе этого никогда не говорила. Не знаю, зачем сейчас говорю и решусь ли отправить это письмо. Ты для многого еще не был достаточно взрослым. Да и я, если честно, для многого достаточно взрослой не была.

Твой папа, может быть, никогда меня не любил, но, Арлен, он полюбит тебя, если вы встретитесь. За то, что ты умный, и смелый, и особенный.

Может быть, весь смысл моей жизни и состоял в том, чтобы дать жизнь тебе? И поэтому все повернулось так, как нужно.

Мне кажется, я почти ничего не помню из тех первых месяцев с тобой, кроме огромной любви. Я так уставала, что валилась с ног. Я думала, я умру. Но я тебя любила каждую секунду. Я тебя никогда не переставала любить.

Даже когда мне не хотелось жить, я думала о том, что в

этом мире есть ты и ты ни в чем не виноват. Понимаешь меня, Арлен, ни в чем не виноват. И что я должна быть с тобой, и не могу тебя бросить.

Я не вспомнила уже, почему тебя не хотела. Я и сейчас с трудом об этом думаю, и становится так страшно. Вдруг бы у меня не было тебя?

Я выбрала тебе самое красивое имя. У меня было три варианта, исторические. Владлен, Марлен и Арлен. Владлен, я подумала, несчастливое. Не знаю, почему я так подумала. Марленом звали мальчика, в которого я была влюблена впервые, и я решила, что так неправильно. А Арлен – такое имя сразу тебе подошло. Оно звучное и сильное. И очень необычное. Никто такого не носит из наших знакомых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.